

к84(2-411.2)6

3-80

Игорь Золотарёв
Леонард Золотарёв

Мария,
бедная Мария

к 84(2=411.2)6
3-80

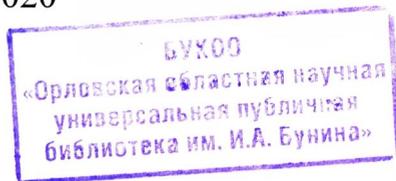
Игорь Золотарёв
Леонард Золотарёв

МАРИЯ, БЕДНАЯ МАРИЯ
Дорогая бабушка и мама

A 304100
127

ПОВЕСТЬ

Орел – 2020

ББК 92
УДК 3(2)
3-81

ISBN 978-9-70804-031-5

**3-81 Золотарёв И.Л., Золотарёв Л.М.
Мария, Бедная Мария. Дорогая бабушка и мама.
Повесть. – Орел, 2020. – 100 с.**

Книга прозы «Мария, бедная Мария» Игоря и Леонарда Золотарёвых представляет совместный труд писателей, непростую, трагическую историю их семьи. Всё начинается в Воронеже, где жили они, герои произведения. После 1937 года, когда мужа Марии Герасимовны отправили на Соловки, они оказываются на Орловщине, в малом городе Малоархангельске. Здесь и происходят события, связанные с Великой Отечественной войной и послевоенным временем. Главное – гибель трёх братьев Марии Герасимовны – Гавриила, Максима, Василия. На плечах Марии лежит строительство дома, сожжённого оккупантами, воспитание сирот, материальное обеспечение семьи. Несмотря на жесткость «финнов» – фининспекции, Мария Герасимовна проявляет стойкость, твёрдость характера, являясь примером для других. Зарабатывая на жизнь как портниха, она шьёт пальто жителям городка, а для армии – фуфайки и бязевое бельё, являясь активным участником трудового фронта.

Книга «Мария, бедная Мария» – историческое полотно о войне и мире, судьбе героев – членов одной семьи, в книге яркие интересные фотографии. Произведение Игоря Леонардовича и Леонарда Михайловича Золотарёвых предназначено широкому кругу читателей. Фото Л.М. Золотарёва.

ISBN 978-9-70804-031-5

© Золотарёв И.Л., 2020
© Золотарёв Л.М., 2020

*Мария Герасимовна –
дорогая бабушка и мама. Перед Великой Отече-
ственной войной. Смотрите: какая красавица!*

ВМЕСТО ПРОЛОГА

СЛОВО О ВОЙНЕ И МИРЕ

Игорь Золотарёв

Рассказ моей бабушки

Мир как война

И стали мы строить дом, когда жили в Малоярославльске на улице Либкнехта.

Возили брёвна из урочища Мурашиха то на корове Манечке, то с папашей моим на себе. Собирали кое-какой лесок в Мурашихе из блиндажей. Отец мой Герасим Макарыч поставил «фонарь», который мы должны были перевезти на улицу Маркса, где и живём до сих пор. Папаша мой на доме работал один. Денег у нас было мало, пенсия у папаши была ничтожная, хотя на фронте погибли все три его сына. И мне надо было работать день и ночь на этот наш маленький, низенький дом. Шила я в основном пальто, считалась лучшей портнихой в округе. Опыт был у меня приличный. До того в мастерской имени 14-летия Октября мы шили фуфайки на фронт, бязевое бельё. И в городе, и во всей округе хорошо это знали.

Была я надомницей, то есть заработанное должна была в основном отдавать государству. Прославилась я, носили мне отовсюду шить пальто и жакеты. Я работала, не покладая рук, при коптушке; с трудом строили мы этот свой несчастный дом, в семье были сироты, известное дело, отцы не вернулись с войны. Я исправно платила налоги, но мне в райфо не очень-то верили, то и дело приходили «финны» из финансового отдела, беспокоили, делали обыски. И вот такой случай.

Однажды во двор к нам заявился молодой, да ранний налоговый инспектор Венька Ашихин, подкараулил меня за окном, забрал квитанции и ушёл. Хорошо, что я сразу хватилась и тут же бросилась за ним: «Отдай мне квитанции». Конечно, как же трудно было нам тогда жить, кормить семью, особенно строить жильё после оккупации. А тут ещё и такой деятель, как Венька Ашихин. Помню, зарезали мы поросёнка. Хотели мяса послать Лиде – моей племяннице, её после учёбы послали работать на Алтай. У меня был сатин зелёного цвета, и я решила сшить ей платье. Только сделала выкройку, как, нате вам, «финны» нагрянули неожиданно – негаданно в открытую дверь. Это папаша вышел во двор и позабыл закрыть её, эту самую дверь. Обычно я закрывала её сама. И опять вот они – из райфо, только двое. Конечно, опять – таки не поверили, что платье у меня это своё, для племянницы. Только и ждали момента, взяли да и оштрафова-

ли меня на 800 рублей. Тогда это были приличные деньги, где их взять? Я плакала, хотела даже повеситься. Папаша тоже плакал. Потом ходила по всяким учреждениям, помог зампредседателя райисполкома Федоренко, а всё равно заплатила 500 рублей, и это за своё доброе. «Финны» не особо-то обращали внимание на то, что мы воспитывали сирот, что все три брата погибли на фронте: Гаврюша, Макс, Василий...

Война

Испанка и хороший немецкий доктор

Теперь скажу про саму войну – великую, отечественную, про немецкую оккупацию. Мой ребёнок Лёля заболел «испанкой». Температура держалась до сорока градусов. Фрицы подумали, что это тиф, который сами же к нам и принесли. И хотели выгнать всех нас на мороз. На кухне у нас жил Ганс, денщик офицера. Оберст -полковник проживал в отдельной комнате, строгий начальник, работал в комендатуре. Ганс был из простых людей, любил пошутить, даже угостить каким-нибудь морсом. «Матка! – подошёл он ко мне. – Я приведу тебе кароший немецкий доктор, и он вылечит твоего киндера».

На другое утро у нас появился стройный немецкий офицер – гауптман, капитан. Велел мне взять простыню, окунуть в ледяную воду и завернуть в простыню моего сыночка. Какой ужас! Немецкий офицер ушёл, а Ганс сказал мне:

«Матка! Делай, что сказал кароший немецкий доктор.» Утром я приложила ко лбу ребёнку ладонь. «Ой! – закричала я. – У него же нет температуры, он же выздоровел!» Подбежал папаша – отец мой Герасим Макарыч, Лида – племянница моя. «Какой, в самом деле, замечательный немецкий доктор!»

И что хочется мне сказать. Война – это страшно! От неё остаётся зло, страх, даже ужас. Как мы горели в подвале под пылающим сараем, как плакала наша корова, как с войны не вернулись все три моих брата – кровинка наша родная, я считаю, герои войны! Но, оказывается, есть и светлые пятна, если не от самой войны, то от простого народа, от этого доброго немецкого доктора, от денщика Ганса, не знаю фамилии. Но помню и буду помнить их всю свою жизнь.

«Люди! Живите и помните! И я буду помнить всё это всегда, как эхо войны, поколений.» Смотрю в глаза фронтовикам у нас в Малоархангельске, в Парке Героев, и вижу их бессмертные лица и слышу их голоса – поимённо!

Война ушла за горизонт

Городок наш постоянно бомбили. И вот налетел самолёт и бросил фугасную бомбу. Она упала прямо у нашего дома, напротив окна, и рама рухнула на постель, где лежал больной мой сынок. Самолёт-то улетел, а сколько всего тут он у нас натворил. И столб напротив окна повалило,

и женщине руку оторвало, она солому тут, возле дома нашего, собирала. Так вот, этот самолёт улетел, другой прилетел. И всё бомбы, осколки, пули от пулемётов – всё свистят и свистят сверху вниз, снизу вверх.

К вечеру стало тише: бомбить и стрелять перестали, и всё, как говорится, встало на свои места. Мы на кухне стали пить чай, вести всякие разговоры. А племянница моя Лидочка и вовсе начала какую-то книжку читать, наверно не про войну, а про мирную, ещё довоенную жизнь. Но дело-то в нашем Малоархангельске шло к освобождению, а откуда это мы знали? И что под Сталинградом немцев уже разбили, и что наши сибирские части со Сталинградского фронта уже движутся сюда к нам, к нашему Малоархангельску.

Конечно, мы видели, напряжение возрастало. Немцы собирались уже отходить, покидать наш фронтовой городок. И вот мы, мирные жители, чтобы нас не угнали в Германию, заранее спрятались в аптечные подвалы под аптечными сараями. Нас было человек пятнадцать: мы, Лаушкины, Жердевы, Христоповы. Почти целый месяц до того сидели в подвале мы, замерев, боялись, как бы отступающие немцы не бросили к нам туда гранату.

«Плакала корова»

Решили мы перебраться из большого аптечного подвала в свой маленький, тесный подваль-

чик. Он был уже не под аптечными сараями, а только близко к ним и, в случае чего, мог загореться. Вот мы и перебрались в этот подвальчик. Всё же не под самими аптечными сараями. Сидели в своём подвальчике тихо, как мышки. А на улице, слышим, уже ходят немецкие факельщики с автоматами и поджигают дома.

И вот всё над нами взялось пламенем. Аптечный сарай упал на наш подвальчик, и крыша над нами вспыхнула, как спичка. Стало нечем дышать. Снег ручьём побежал вниз по порошкам. Взрослые подняли детей на руках повыше, чтобы дети не захлебнулись.

– Ну, всё, – сказал мой отец Герасим Макарыч. – Пойду во двор растаскивать крышу на погреб, всё равно пропадать.

Над нами уже вовсю бушевало пламя. Папаша мой бросился тушить его. Кожух на нём вспыхнул. Отец стал кататься в нём по растаявшей, уже чёрной без снега земле.

Стало светать. Всё уже прогорело, крыша упала, и мы из подвальчика вышли наружу, на воздух. Всё вокруг было непривычно чёрно, снега не было и в помине.

– Витя, – сказала Лида Лаушкина своему сыну. – Сбегай-ка погляди, цел хоть наш дом?

Витька Лаушкин бросился бежать домой через горсад, который был за аптечными сараями, и тут навстречу ему кто?... Наша разведка. В белых маскхалатах. Целых пятнадцать человек... Об остальном мой сынок уже лет через десять,

пятнадцать, напишет стихотворение – быль «Плакала корова». В самом деле, всё так и было.

Да, и вот совсем рассвело. Стало видать, как по улице со стороны старой школы движутся наши войска. Это была воинская часть со Сталинградского фронта во главе с Рокоссовским. И это было 23 февраля 1943 года – теперь это праздник День освобождения Малоархангельска. Войска Центрального фронта во главе с К.К. Рокоссовским проходили на Запад, в места летнего сражения в битве на Орловско-Курской дуге.

И вот жителей города отправили в глубь района, а нашу семью – в Луковец, это в 20 километрах, где оказался райком. Сестра моя Дуся была инструктором райкома (она сохранила в оккупацию партбилет). Сестра помогла нам эвакуироваться именно в Луковец, а не в какое-нибудь Красное или в Андреевку. Там, на Западе, в сторону Малоархангельска, уже всё сверкало, грохотало. Небо закрыли самолёты, земля ходунном ходила. Говорили, это началась первая фаза битвы – оборонительная операция.

В Луковце мы жили в одной небольшой хатёнке. Весь двор и сарай был забит хозяйскими и нашими вещами, которые нам удалось сохранить во время пожара в Малоархангельске. Так вот мы тут и жили. Надо было чем-то кормиться, и я стала шить по деревням всякие вещи, а люди давали нам картошку, капусту, в общем, всякую еду. А мимо нас всё шли и шли на фронт новенькие гаубицы – на новеньких тракторах –

тягачах из РГК (Резерва Главного Командования). Но вот всё это вроде и кончилось. Война ушла, как бы исчезла за линией горизонта, и мы вернулись в Малоархангельск, опять же на квартиру к Лаушкиным.

Сынок мой, которому в то время исполнилось восемь лет, пас по пустым садам корову – нашу Манечку и в то же время читал свои первые книги. Например, «Буратино, или Золотой Ключик». А все другие мальчики в то время любили стрелять, и даже бросать в блиндажи гранаты, мины взрывать – из всего, что валялось тут по садам и развалинам. Вот и сынок мой стал разряжать мину и поранил руку. А к вечеру он уже лежал в постели – у него началась скоротечная скарлатина. Мне сообщили об этом тут же, а я в это время была в Подкопаево, это за Луковцем, шила там людям одежду. И вот, как услышала я об этом, так сразу бросилась бежать в Малоархангельск. Пробежала больше 20 километров. К вечеру оказалась у кровати больного сыночка. «Ах!» – упала я прямо вся к нему на постель.

Лида, заразившись, болела тяжело, даже очень тяжело. Её лечила медсестра Петрова с улицы Ленина. Она давала ей таблетки красного стрептоцида, изготовленного в то время специально для раненых. Но ничего Лиде не помогало. И вот она стала просить святой воды из Андреевского колодца. Что делать? Задышется, помрёт ведь. Вынь да положь ей святой

водицы из Андреевского колодца. Никуда не денешься, и папаша мой – Герасим Макарыч – собрался, на ночь глядя, да и отправился в Андреевку, это по Колпнянской дороге, на полдороге между Малоархангельском и Колпной где-то на середине пути. Андреевский колодец направо, если идти от Малоархангельска. Колодец этот, говорят, до сих пор существует, и вода в нём замечательная – святая вода.

***

После окончания Малоархангельской средней школы Лида отправилась во Львов, к другой отцовой сестре – тёте Дусе. И вот после института она по направлению оказалась на Алтае – в Барнауле, в системе Облпотребсоюза. В командировке Лида в большом алтайском селе Мамонтово познакомилась с Николаем Самойловым – умелым водителем грузовика на горном маршруте по реке Катунь и далее до самого Манжурока, и ещё дальше, до самой Монголии.

А теперь наша Лида тоже Самойлова, а не как её отец – мой старший брат, погибший в начале войны на самом главном, на московском направлении. Вот как об этом напишет мой сын, когда станет поэтом.

*Бессмертный полк шагает по России,
Возник живой, как эхо поколений.
Три сына – Гавриил, Максим, Василий –
Легли на главном, на московском направлении.*

ГЛАВА I

Сын. Так ты, папа, сказал мне, что ты родился в Воронеже? А где наш родовой корень?

Бабушка говорила, что мы, хотя и живём на Орловщине, но родом из Воронежа, наш родовой корень на юге Воронежской области, в Хуторе Хорольском. Это в двух километрах от научно-исследовательского института имени Докучаева. Докучаев был великим учёным, это он придумал такое, чтобы в Каменной степи вызревали приличные урожаи.

Пруды, лесопосадки, микроклимат в поле...

Бабушка повезла нас в свои родные места, как бы на экскурсию. Сначала показала в Воронеже свой дом, свою квартиру в центре города, где у неё родился мой папа. А потом мы отправились в Таловский район. И вот мы в Хуторе Хорольском. Вот деревянная церковь, где пела когда-то моя бабушка в деревенском хоре Пятницкого. В молодости у неё был дискант – высокий, красивый голос. В нём и сейчас осталось что-то от прежнего.

Бабушка показала нам дом, где родилась и где жили все три её брата: Гавриил, Максим, Василий во главе с отцом, как они его называли, папашей. Дом квадратный, большой, как у казаков в «Тихом Доне». Конечно, тут видны хорошие рабочие руки, всё-таки у Герасима Макарыча было три сына, – три мужика, да ещё четвёртый он сам. Как не построить такой дворец, такую,

как говорится, хоромину? А во дворе вырыли колодец с холодной, колодезной водой. Как без колодца в этой жаркой, засушливой местности?

Ночевали мы у Раи – бабушкиной племянницы, папиной двоюродной сестрицы, дочери младшего из трёх братьев – Василия.

Раиса Васильевна жила в посёлке при институте, у многих здесь были сады и огороды. Рая сразу же повела нас на свою бахчу и угостила собственными арбузами. Интересно, что арбузы в этих краях, как у нас яблоки, мочат в кадушках, чего не знают у нас на Орловщине. Конечно, от ближнего водоёма в жару идёт сюда влага, и арбузы вызревают и бывают вкусными. И вот после поездки в Хутор Хорольский, на свою малую родину, бабушка посадила арбузы тут у себя на огороде, в Малоархангельске. Однако ничего с арбузами не вышло.

После поездки в Каменную степь, что на юге Воронежской области, мы стали смотреть, как говорится, на окружающую действительность совсем по-другому. Едем, скажем, в Малоархангельск по железной дороге в направлении к Курску, и видим, тянутся по сторонам лесопосадки, которые теперь защищают железнодорожный путь от большого снега. По дороге в Малоархангельск со станции тоже встречаются квадраты полей, окаймлённые лесопосадками. Так же и на мценской стороне. Выйдешь из автобуса и идёшь в посёлок Синяевский, где у нас тогда была дача, а и тут лесопосадки одна за другой, а

в них грибы. Причём всякие: свинухи, подберёзовики, даже белые.

И ещё что интересного осталось от поездки нас с бабушкой на юг Воронежской области, в Хутор Хорольский, так это то, что отец её Герасим Макарыч учил её и своих сыновей работать профессионально, со знанием дела. Из детей у него было три сына и две дочери – Маруся и Дуся. Маруся – это моя бабушка, папина мама. Так вот, отец мамин вместе со своими сыновьями умело могли работать по дереву топором, а маму мою, тогда ещё совсем молодую, на зиму, когда в деревне особо нечего делать, отец её отправлял к мастеру на учёбу в соседний Борисоглебск. Одежду шить, мол, ей пригодится, мало ли что.

И пригодилось. За две зимы моя бабушка научилась в Борисоглебске шить пальто, платья, в общем, освоила профессию. Стала хорошей настоящей портнихой. В общем, научилась зарабатывать на жизнь, что, как видим, ей потом и пригодилось. Бабушка моя трудилась не только на свою семью, на строительство дома, как говорится, не только на мир, но и на войну – шила в 43-м году для нашей армии фуфайки и бязевое бельё. И называлось это трудовой фронт, чем я сейчас у моей дорогой, любимой бабушки очень горжусь.

Отец. Так вот, ты, Игорёк, спросил меня, где наш родовой корень? Откуда мы родом? Как это в песне поётся: поговорим с тобой, сынок мой, о

чём-нибудь поговорим. Поговорим? Хотя о чём? Как говорил Маяковский, для веселья наша планета мало оборудована.

Так вот, сынок, приехали мы с мамой в Мало-архангельск, в известном своими репрессиями 1937 году. По сути бежали из моего родного Воронежа, откуда, как говорится, ноги едва унесли. Конечно, был я тогда крайне мал. Ну, что там – малыш, было мне два годика. Хотя, говорят, Лев Толстой помнил себя уже при своём рождении, а Лермонтов так и вовсе ещё в утробе своей матери. Мама, про всё, что случилось в Воронеже, может, думаю, рассказать поподробнее.

И всё-таки что я скажу о себе, о своих впечатлениях. Говорят, что в таком возрасте, как тогда у меня, люди вряд ли что помнят. А я вот помню. Да ещё как! Мрак какой-то в моей душе как тогда поселился, так и держится до сих пор. При случае забивает во мне всё остальное.

Так что же случилось тогда у нас, в воронежской нашей двухкомнатной квартире в центре Воронежа?

В полночь в дверь настойчиво постучали. Это сразу всех пробудило. Я лежал в кроватке, а мама, как бы защищая меня, склонилась надо мной. Отец стоял у окна, возле шкафа с собранием сочинений Ленина... Конечно, только потом я узнал, что это собрание сочинений, что это Ленин, а в тот миг я со страхом смотрел на отца. Мамочка моя приподнялась на цыпочки, стояла белая, как полотно... Больше ничего не

помню... всё как вырубил. Ночь. Было черным-черно, цвета машины, «воронок» стоял там, внизу, перед дверью. Слово с того света приехали к нам сюда эти совершенно незнакомые, страшные люди.

Да, ещё что! Один из этих людей наклонился надо мной, лежащем на кровати, а другой стал копаться в моей постельке. Отец спросил:

- Что вы ищете?

- Враждебную литературу, - ответил тот, что копался в моей постельке.

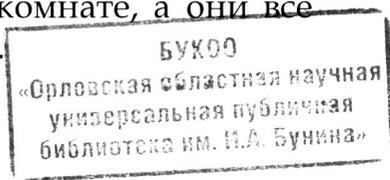
От испуга я стал писать прямо на грудь того, что держал меня на руках...

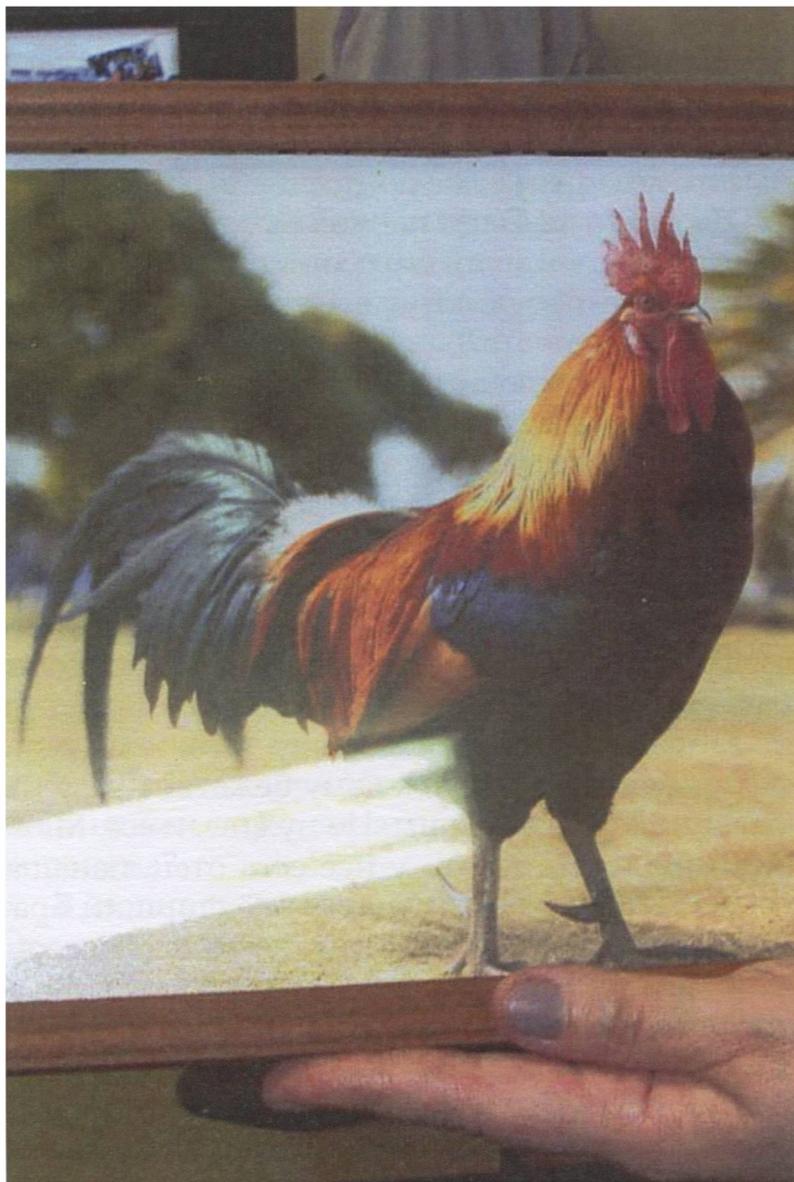
И тишина. Всё задёрнуто чёрной шторкой, огромной шторой, кажется, на весь мир, на всю страну...

Тут же, наутро, мамочка моя стала собираться в дорогу. Бежать! Бежать поскорее, пока не забрали туда и её как жену того, кого только что взяли. Но куда, к кому бежать? Сразу мы стали никому не нужны. Не нужны, и всё. Мама вспомнила, что где-то у неё есть отец, папаша, Герасим Макарыч, что есть у неё старший брат Гавриил Герасимович, и они где-то там, невероятно далеко, в каком-то степном городке Малоярославльском.

«Ну, конечно, ехать, ехать! И как можно скорее! К отцу, к Гавриилу! Гавриил учился на бухгалтера и стоял тут у них на квартире. Вдвоём с Максимом жили в одной комнате, а они все троём ютились во второй»...

А 304100 17

Символ семьи – галльский петух.

*А это мой дедушка
Михаил Иосифович
Золотарёв.*

*Моя бабушка Мария Герасимовна и мой дедушка по
отцу Михаил Иосифович Золотарёвы. В Воронеже,
в начале их совместного жизненного пути.*

*А это мой папа Леонард Михайлович Золотарёв
после окончания 10 класса
в средней школе Малоархангельска.*

*Мой папа – малыш, та-
ким – двух лет – привез-
ли его из Воронежа.
И хотелось ему поскорее
стать матросом.
Вот он Матроскин!*

*А эти фотографии
пошли по возрасту:
моя любимая бабушка
Маруся с сыночком –
моим дорогим папой
тоже в матроске.*

*Моя бабушка Маруся
с этим мальчиком –
моим папой в испанской
пилотке – «испанке».
Тогда шла гражданская
война в Испании, и ба-
бушка сшила своему
сыночку пилотку с ки-
сточкой.*

*Бабушка моя
дорогая. Скорее
всего, фотоснимок
сделан Лисициным
в Малоархангельске
сразу после войны.*

*Май 1943 года.
Фотография моей
бабушке от героя войны
майора Лисунова Алек-
сандра Емельяновича,
погибшего где-то
под станцией Малоар-
хангельск. На обороте
снимка его подпись:
«На долгую и добрую
память Марусе
от Лисунова А.Е.
12 мая 1943 года».*

И ещё вспоминается мне и отчего-то не может не вспомниться почему-то серая картина: мелкий, едва морозящий дождь и железнодорожный перрон. И я на руках почему-то не мамы, а сестры её – тёти Дуси с её будущим мужем дядей Гришей Кулешовым. И мы должны ехать куда-то, не так теперь уже далеко – в какой-то Малоархангельск...

И опять всё затягивается серостью, темнотой, морозящим ненужным дождём...

Но куда делась моя мама, мамочка моя, Мария Герасимовна? Где она?.. Где ты, мамочка?..

– Мамочка твоя скоро приедет, – наклоняется ко мне тётя Дуся. – Поехала по делам, приедет, привезёт птичку синичку, лисичку – сестричку.

– Зачем ты так ему говоришь? – слышится голос дяди Гриши Кулешова, с которым они все втроём приехали сюда, в этот Малоархангельск, с железнодорожного вокзала. – Говори ему всё, что есть. Он же мужик, он всё понимает...

Помню, я сразу же потянулся своими ручками к этому доброму, большому человеку, которого зовут дядя Гриша по фамилии Кулешов. Так это потом мы станем дружить с ним, когда я подрасту.

– А мама твоя, – сказала в ответ ему мамина сестра – тётя Дуся, – поехала на ваш родовой корень, на юг Воронежской области, в Хутор Хорольский. – И привезёт тебе вот такое огромное яблоко.

– Зачем ты так говоришь, – опять вступился за меня большой и добрый и даже красивый,

очень красивый мой друг дядя Гриша. – Мама твоя, сынок, поехала кое – что получить. Деньжонок каких-нибудь. Продали дом в Хуторе Хорольском, и ей что-то там причитается.

– Зачем ей деньги – то? – не хотела молчать тётя Дуся. – Что ей делать-то с ними?

– Во-первых, с деньгами всегда найдётся местечко для подвига. Деньги есть деньги, – подмигнул мне большой и красивый дядя Гриша по фамилии Кулешов. Наклонился мне на ухо, прошептал:

– Скажу тебе, сынок, по секрету. Собирается ехать туда, к твоему отцу, как говорится, на Соловки. Это куда всех сейчас отправляют, а не только твоего родного, дорогого, любимого папу.

Он был тут у нас, и я помню его хорошо. От души скажу тебе: замечательный человек. Никогда не стесняется при людях говорить о них что у них хорошо, а что плохо. Понимаешь меня?

– Понимаю, – кивал я ему своей маленькой, только что постриженной им головой, хотя сам ничегошеньки не понимал.

Откуда ребёнку лет уже около трёх и не больше понимать большую политику взрослых.

А дедушка мой – мамин папа Герасим Макарыч – с утра пораньше, только готовился завтрак, ещё лежал на своей постели. И тут он позвал меня, стремглав я бросился к нему, нырнул под одеяло, и он, слегка прижав моё горячее тельце к себе, начал читать:

*– Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана.
Ведь были схватки боевые,
Да говорят ещё какие.
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина.*

И я замирал от красоты, тайной вечности этих слов. От того, что рядом был мой дедушка, а где-то близко и дядя Гриша. Я любил мужчин, а рядом их мужское присутствие, напоминавшее мне запах моего дедушки где-то там, на Соловках, куда собиралась сейчас моя бабушка. «Мария, бедная Мария», – казалось, шептали на полке книжки, которые покупал для меня старший брат мамин Гавриил Герасимович Нижегородцев, к которому они с мамой приехали из Воронежа.

С ними тут жила ещё и дочка его Лида, Лидочка, старше меня на восемь лет. Именно на восемь. Вот как! Мама моя была с 1911 года, её сестра – тётя Дуся с 1919 года, моя двоюродная сестрица Лида – с 1927, а я – с 1935 года. Надо же, как распорядилась природа.

Лидин папа Гаврюша гладил иногда меня по головке, приносил какую-нибудь книжку или шоколадку, и я, задыхаясь, тихонько, оглядчиво говорил ему на ухо:

– Дядя Гаврюша, а можно я буду звать вас папой?

– Зови, сынок! Конечно, зови.

ГЛАВА II

Сын. Бабушка рассказывала мне; приехали они в Малоархангельск, когда сыну её – моему папе, было два года. Уезжали из Воронежа они поспешно, боялись кабы бабушку не арестовали, а меня не отправили в детдом. Много было таких случаев. Это дедушку отправили на Соловки по статье 58-й с правом переписки. А если было бы без права переписки, то расстреляли. Вот какие были тогда времена.

Приехала бабушка со мной, своим сыночком, в Малоархангельск к отцу своему Герасиму Макарычу и старшему брату Гавриилу Герасимовичу. И как ключ на дно. Никуда не ходила, ни с кем не встречалась, паспорт воронежский нигде не предъявляла. Боялась даже, что её фамилия по мужу Золотарёва. Да всё меня, сыночка своего, склоняла, чтобы я тоже стал Нижегородским. Но мой папа уже подрос, не хотел менять фамилию отцовскую ни на какую другую.

Все чувствовали: война надвигается, в воздухе пахнет грозой. Бабушка моя вместе с отцом, имея опыт гражданской войны, поднакупили сахару, соли и спичек.

На всякий случай. И спрятали в коробках на потолке. А война, в самом деле, по всяким признакам надвигалась. Дядю Гаврюшу – Лидинога отца (он разрешил называть меня папой) призвали в армию, – началась зимняя, трёхмесячная военная компания с белофиннами. Мы-то по-

бедили, конечно, но печальный опыт остался. И для Германии – не очень успешно можем мы воевать, и для нас дома: папа Гаврюша вернулся раненым в руку. А вскоре началась Великая Отечественная война. Фашистский вермахт напал на Советский Союз, 22 июня 1941 года в 12-00 Молотов объявил о том, что немцы бомбили Севастополь, Киев и другие города. Это было в воскресенье, а уже в понедельник папа Гаврюша ушёл на войну добровольцем. Мы всей семьёй проводили его в военкомат (это сейчас напротив редакции газеты «Звезда»). С той поры мы его больше не видели. Погиб Гавриил Герасимович где-то в Бобруйске, на главном, московском направлении.

А теперь вот что я расскажу дедушке моего папы – Герасиму Макарычу. Надо же кому-то рассказать о том, как у них в классе завёлся французский язык. А мне рассказывал мой папа, он тогда только что окончил начальную школу и перешёл в пятый класс, а с пятого класса детей учили уже многие учителя: в том числе и иностранному языку, в основном по школам преподавали тогда немецкий. А тут приходит Юра Забин, а папа мой сидит на стремянке и беспечно болтает ногами.

– Знаешь, что я тебе скажу?

– Говори.

– Анна Васильевна Иванова – учительница немецкого – предлагает нашему классу французский. Они с сыном жили во Франции, в го-

роде Дижоне. Началась война, и сын её погиб, участвуя в Сопротивлении. Так вот, Анна Васильевна хотела бы вести в нашем классе французский язык. Как ты считаешь? Французский или или пусть, как и у всех, немецкий?

– Конечно, французский! – завопил я что есть мочи.

У Юры Забина мать была в школе первым завучем – преподавателем литературы в старших классах. Вскоре мы ходили по Малоархангельску и говорили каждому встречному «бонжур», «мерси», «комантале ву».

Потом Анна Васильевна заболела, и прислали другую учительницу после окончания Орловского института. Но она вскоре вышла замуж и уехала в Змиёвку. И в город с красным дипломом приехала моя мама. Кстати, очень способная на языки. И папа мой в тот год же по окончании Курского пединститута, хоть и без красного диплома, тоже оказался в Малоархангельской средней школе.

А потом такая вот произошла, как бы это сказать, «катавасия». Мама моя уехала в Орёл в аспирантуру, а папе сделали операцию на горле, и ему стало трудно говорить. А ведь он учитель литературы, истории, да ещё в старших классах. Что делать? Поехал он в Орёл, обратился, куда надо, и его направили работать в редакцию должанской районной газеты. Через каких-то пару месяцев многие номера были заполнены папиными очерками. И тут Хрущёв закрывает рай-

оны, а значит, и районные газеты. Что делать? Поехал мой папа в Орёл, обратился к тому, кто его посылал в Долгое. А Високосов Виктор Германович и говорит:

– Мы газеты, материалы читаем... кадрами такими не разбрасываемся...

И направил моего папу сразу в две газеты – Орловского производственного управления и в «Орловский комсомолец». Редактором «Орловского комсомольца» был тогда замечательный журналист Гена Харитонов, не менее замечательный и как человек. В общем, там в редакции была хорошая молодёжная атмосфера. Вышел папа мой от Виктора Германовича, а тут мама моя – аспирантка:

– Ну, как?

– Да сразу в две газеты берут: Орловского производственного управления и в «Орловский комсомолец».

Так отец оказался в областной молодёжной газете, под крышей Гены Харитонова, этого «движителя прогресса», который и дал ему, как говорится, крылья для полёта в журналистику и литературу.

Отец. А бабушка твоя – декабристка. Об этом можно говорить и говорить, повторять и повторять. Ну, кто ещё, как и она, мог отправиться в места не столь отдалённые? Разве что Чернышова – Муравьёва за мужем – декабристом «во глубину сибирских руд». Вот бабушка твоя подсобрала деньжонок, кое-ка-

ких вещичек да и отправилась, образно говоря, на Соловки, а точнее, в лагеря Вологодской области, где заключённые пилили лес. И называлось это потом то, что пели про них, шансон. Есть такой музыкальный ансамбль Танича «Лесоповал».

Так вот, поехала мать моя – от Москвы в сторону Архангельска, вышла на станции Няндома. И хотела уж идти дальше пешком, да нашёлся сердобольный водитель, посадил её в машину, под бочок себе, чтобы хоть немного обогрелась от пронизывающего насквозь северного ветра.

Обо всём этом я, кажется, тебе уже рассказывал: и про то, что отец мой Миша, Михаил Иосифович, оказался в лагере с переломленной на лесоповале ногой, и про то, как деньги и вещи начисто вымели у него «виртухай», охранявшие приёмный покой эков – больных и здоровых.

Расскажу теперь тебе, сынок, о другом. О том, как сам я, лично сам поехал туда же, чтобы увидеть места, где были концлагеря, где, как говорят там, на Севере, обретались эки, пилили в округе леса.

Мне сказали, что надо ехать в город Кириллов, это за Северной Двиной. Беломоро – Балтийский канал. Сталинский план преобразования природы. Через реку перевозил меня какой-то паром. С него хорошо было видно затонувшее село, из воды торчала золотая макушка церкви.

В Кириллове я нашёл редакцию местной газеты и стал спрашивать журналистов,

что они знают о концлагерях у них тут поблизости. Хотелось побывать в самом концлагере, чтобы ближе познакомиться с трудом и бытом заключённых. В редакции знающие люди мне сказали, что лагерей теперь уже нет, их закрыли. Ну, может, сохранились самые дальние, в глубоких лесах и болотах. А в ближних концлагерях, вернее, в лагерных помещениях теперь останавливаются те люди, которые приезжают сюда на охоту.

- На какого зверя? - поинтересовался я у редактора. - Какие звери тут у вас водятся?

- Да всякие, - ответил тот уклончиво.

- И даже медведи?

- И даже медведи, - ответил редактор. - А то и птицы всякие прилетают и плавают по озёрам. Например, белые лебеди. На зиму они улетают на юг, скорее всего, в Египет. Лебедь - птица свободная.

- Они тут гнездятся, - заметил я. - Тут они и выводятся, у них тут малая родина.. Браконьеры, скорее всего, охотятся на лебедей.

- Зачем браконьеры? - усмехнулся редактор. - Приезжают сюда и члены охотничьего общества, и большое начальство из Вологды и даже Москвы.

- А что - среди начальства нет браконьеров?

- Как не быть им, браконьеры-то есть. Да на то и щука, чтобы карась не дремал... Тут у нас с охраной неплохо дело поставлено. Не больно-то разгуляешься...

– Ну, если откровенно, всё-таки куда девались заключённые, когда закрывали концлагеря? Расстреливали?

– Нет, их у нас не расстреливали, – задумался на момент редактор местной газеты. – Но, старожилы рассказывали, лагеря или бомбили, или добровольцев отправляли в блокадный Ленинград. Людей там не хватало. Воинские части явно нуждались в пополнении, в людях, а где их взять?

«Так вот оно что! – подумалось моему папе. – Отец мой, конечно, был бы среди добровольцев. Ведь у него когда-то был партбилет. Да и тома собрания сочинений Ленина лежали дома на книжной полке...

Может, отец мой даже погиб под Ленинградом, как говорится, сложил голову за Отечество».

И вот пришёл мой папа в гостиницу, где, исследуя окружающую действительность, жил, наверно, уже около недели. Присел на диванчик к окну и крайне задумался: «А почему столько тут интересных, даже исторических мест? Вот хоть город Кириллов, хоть Белозёрск, а где-то поблизости Ферапонтово с его монастырём»...

И какая же красота, как красиво тут! И за каждой местностью что-то или кто-то стоит. У Белозёрска, на Белом озере, Шукшин снимал свою знаменитую «Калину красную». В городе Кириллове, у самых стен монастыря, волны озера плещут о белоснежные монастырские стены. А Ферапонтово?...

Малоархангельск. В нашем дворе. Моя дорогая бабушка держит меня на руках, ещё совсем маленького. Тут я в каком-то костюмчике с белым колпачком.

А тут я любопытный какой – то, серьёзный.

Вот какие мы с Сашей Шинкаренко! В одной коляске.

*Это мама моя держит
меня на руках.*

*Все мы с бабушкой,
только у неё теперь платье в горошек.*

Вот какие мы с папой!

Снова все втроём, но попозже.

*А это мы жили уже в Орле, на улице Интернатной.
Мои друзья: (слева направо) я с гитарой, Серёжа
Малышев, Света Родина и Лена Шиллева.*

*Мои молодые, красивые родители,
которых я очень люблю.*

Конечно, места яркие, интересные, но почему тут по ним лагерь, лагерь, почему?

Так и не нашёл он никаких концов о своём отце. Вернулся папа мой в Вологду, присел на скамейку на вологодском аэродроме, закрыл глаза, и тут же перед ним поплыли картины прошлого, но не тут в Вологде, не кирилловские, не белозёрские, не ферапонтовские картины, а Соловки. Вот куда могли перевести его отца из вологодских мест в другие места не столь отдалённые – на Соловки с архипелага Гулаг.

Вот такие поплыли перед ним строчки, которые он напишет потом, когда побывает и на Соловках.

СОЛОВКИ

*Как с горы Секирной белыми ночами
Головы летели, падали с горы.
Мы их величали, тут нас и кончали –
Всех недосидевших до поры.
Что же ты, Россия, сыновей-то губишь?
Всё туда же нас – на Соловки.
Отчего таланты так свои не любишь?
Всё под камень нас да на крюки.
В православную, в белокаменную
Провезут на Лубянку под окна,
Чтобы впрок нам, чтобы видели!
Что наделали, как обидели!
Острые ступеньки, свысока – высока,
Двести семист восемь сверху вниз.
Я – твоя кровинка, мой отец, мой сокол!
Вот мы и дождались, вы не дождались!*

*Ах, отец, отец мой, вновь сиренев вечер ли,
Скользкие ступеньки, а под бичевой
Тянем мы, потянем, а навстре... навстречу
Ты – мой Соловецкий Кремень гробовой.
В православную, в белокаменную
Провезут по крови да под окна,
Чтобы видели, чтобы помнили!
Что наделали, как обидели!
Камень – честному, камень – смелому,
Пыль по чёрному – кровь по белому!*

Он встал, прошёлся мимо скамейки, на которой сидел, и перенёсся мыслью туда, к Архипелагу – этому символу тех, кто был тут и кто ещё будет. Галльский петух отчитывает часы.

ГЛАВА III

Сын. Что у тебя, папа, было самого страшного в жизни?

Отец. А вот что хочу я об этом сказать. Бывает, прочитаешь какую-либо книгу про ужасное или посмотришь фильм ужасов и ходишь потом с неделю под впечатлением. И снится тебе всякая чертовщина. Ну, например, та же фантастическая повесть Гоголя «Вий». Главный герой повести – бурсак Хома Брут. Умерла паночка, и он должен читать молитвы ей три ночи. В первую ночь он просто читает молитвы, и это помогает ему одолевать страх. Во вторую ночь Хоме стало уже труднее бороться со страхами, отгонять вся-

ких бесов и бесенят. Хома даже очерчивает мелом вокруг себя круг, чтобы символ зла Вий не переступил черту, не подкрался к нему.

Самой страшной была для Хома третья ночь. Вий насаждает, кажется, вот – вот кто-то коснётся его плеча. Паночка открывает глаза... Одним словом, страх одолевает бурсака Хому, и он, в конце концов, умирает от страха...

И что мне хочется об этом сказать? Известна поговорка: у страха глаза велики. Только дай ему волю, доведёт тебя до чего угодно. Понятное дело, с детства нужно воспитывать себя, выработать твёрдость духа, характер. Это потом пригодится как в мире, так и на войне.

Наш народ, я бы сказал, героический. Напали на нашу страну враги в 1941 году. В первое время кое-кого в нашей армии одолевал страх, мы отступали, отдавали свою территорию. Но постепенно взяли себя в руки, не дали врагу переломить ход войны. Наши солдаты и офицеры стали проявлять чудеса героизма, совершать подвиги. Например, рядовой Александр Матросов грудью закрыл вражескую амбразуру и тем обеспечил наступление своей роты. А разве не герои все три сына Герасима Макарыча – братьев моей бабушки? Все трое не вернулись с войны. Погибли уже в 1941 году на главном, на московском направлении. Все три сына – Гавриил, Максим, Василий. При чём старшего из них папу Гаврюшу мы в Малоархангельске всей семьёй проводили до дверей военкомата.

А разве не подвиг совершила Нина Ивановна Терещенко, шестнадцатилетней девушкой ночью помогла она перейти линию фронта нашему лётчику Борису Ивановичу Ковзану, который стал потом Героем Советского Союза?

Кто-то когда-то сказал: в жизни всегда есть место подвигу. Подвигу во имя жизни, даже ценой собственной гибели. Вот что написал Николай Островский в книге «Как закалялась сталь»: «Самое дорогое у человека – это жизнь. И надо прожить её так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь, все силы были отданы самому дорогому, самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества».

И что хотелось бы сказать мне об этом освобождении: какому освобождению, от чего? А думается, прежде всего от страха внутри себя самого, при котором нет, конечно, места никакому подвигу. Н.В. Гоголь в своём «Вие» исследует все стадии страха – от проявления страха как высшей и последней стадии жизни, до самой смерти. Страх поддерживается суевериями. Гоголь показывает это не только на примере бурсака Хома в повести «Вий», но и в других своих произведениях, в том числе и в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

Иррациональные агрессивные силы побеждают человека. Гоголь изображает бессилие человека перед сверхъестественными силами. Но и тут Гоголь находит выход: Хома молит Бога

о помощи. Только божественные силы могут помочь человеку выстоять и победить. На мой взгляд, Гоголь раскрыл причину демонизма. Демоническая красота паночки, выявленная Хомой, погубила его.

Павел Корчагин у Николая Островского всегда боролся против социального зла. В самом деле, самое прекрасное у человека – это жизнь, и в ней всегда есть место подвигу.

Сын. Так, папа, так ты считаешь?

Отец. Молодец. По-моему, у тебя где-то внутри есть уже место для подвига.

Так ты спрашиваешь: что в жизни бывает самое страшное? На мой взгляд, война. Отечественная война. Великий пожар на земле.

Однако хочу сказать тебе я не только о том пожаре, когда в 43-м, отступая, немцы едва не сожгли нас живьем в нашем подвальчике. Я о другом пожаре, другом огне. Об огне, который сжигает изнутри всех нас, можно сказать, каждого и всё человечество.

Это огонь души, Прометеев огонь, бросающий человека в необузданное, казалось бы, невероятное. Такой всежигающий огонь в основном бывает у людей искусства: писателей, поэтов, композиторов, музыкантов. Такие страсти получили греки от царя богов античного Зевса, а Прометей, лежащий века на Скале, дал людям Огонь, создал Великое Племя Поэтов.

*А наверху всё страждет Прометей
За нас таких на двух вершинах сразу.
Поэты ходят по кругам идей,
Пророчествами заклиная Разум.
Вот на Скале распятым и висит
Пред ликом смертных, волею людей
Цепями молний, пламенем в зенит
Свободою рождённый Прометей.*

Сын. Это слишком абстрактно, отец. Царь богов Зевс, Прометеев огонь. А что ты скажешь о нынешних, современных поэтах?

Отец. Ничего. А вот о Сергее Есенине скажу, и немало. Он – мой крёстный отец, это Сергей Есенин позвал меня в поэзию. Ещё в четвёртом классе мне попался в руки томик его стихов «Радуница» – первое, репринтное издание стихов поэта. Я прочитал «Радуницу» и задохнулся от любви к прекрасному русскому слову. Представляешь? «Только синь сосёт глаза».

Сын (затихнув). Представляю.

Если крикнет рать святая:

«Кинь ты Русь, живи в раю!»

Я скажу: «Не надо рая,

Дайте родину мою».

А крёстный отец он мне потому, думаю, что Сергей Есенин был ровесник моего натурального отца – Михаила Иосифовича, оба с 1895 года.

Почему именно Сергей Есенин выбрал меня, а не кого-то другого? Почему с той поры я мечтал побывать в Константиново, на Рязанщине,

на родине поэта? Почему сами когда-то вдруг у меня написались такие стихи?

*Временем засвеченные свитки.
Слово влито. Вечно. Из огня.
К деревянной ссохшейся калитке
Стёжка ловко вывела меня.*

*Вот она. Рязанищина, Россия!
Явь поэта, выраженья миг.
Ничего на свете нет красивей
Лучшего творения двоих.*

*Опадает в хне послеосенней
Знак беды, отчаянный порыв.
Свой большак торил сюда Есенин
И упал, калитку не закрыл.*

*Упаду и я в калитку косо.
Как звезда полыни ни горька,
К этим константиновским откосам
Катит и мою волну Ока.*

И всё-таки я, сынок, побывал в Константиново! Лучше поздно, чем никогда. Тот день оказался особым. Известным на всю Серединную Русь. Налетел ураган. Все помнят, как женщину тут подняло в небо, а опустило в Иваново. В Константиново ураган поломал деревья, снёс крышу с домика Кашиной – музея Сергея Есенина. Директор музея Владимир Исаич Астахов сто-

ял, подняв руки, не подпускал к деревьям детей, прибывших на экскурсию.

– А вы что тут делаете! – в сердцах закричал он на меня.

– Ничего, – ответил я. – Стою и смотрю.

А через час, когда всё стихло, мы сидели и пили с ним чай.

– Сюда едут только те, кто любит Сергея Есенина, – заметил Владимир Исаич. – Вы хоть какое-нибудь стихотворение Есенина на память знаете?

Вместо ответа я слегка откашлялся и запел:

*Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял, приблизившись к стене.
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое в лицо бросали мне...*

*Любимая! Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.*

*Не знали вы, что я в сплошном дыму,
В разворочённом бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму,
Куда несёт нас рок событий.*

*Лицом к лицу лица не увидать.
Большое видится на расстоянии,*

*И вот я уже юноша.
Руки в карманы, в демисезонной одежде.*

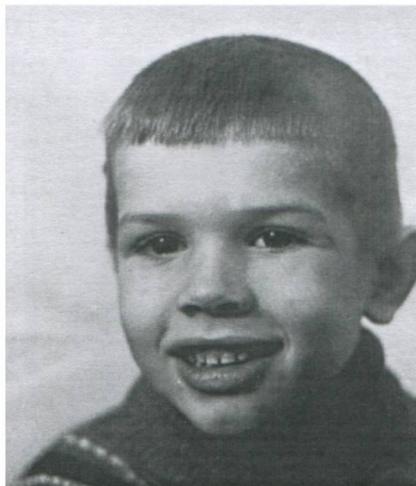
*В те же времена я –
Игорь Золотарёв.
С иронической
улыбочкой.
Вот мы какие!*

*А тут вот как
бегать мы можем
да ещё и смеяться.
Ловкий парень!*

*Немножечко огорчён я,
а почему?*

*Не весёлый, но и не груст-
ный. Будь здоров, будь
здоров, Игорёк Золотарёв!*

*А это пораньше, конечно.
Какой хорошенький,
весёленький мальчик.*

*По времени это уже значительно позже,
и мой папа (посередине) с другом своим
Витей Шпаковым (слева) в Орловском Полесье.*

*В Орловском Полесье мой папа, Витя Шпаков
с зубрихой Милкой. Она тут у зубров главная.
Так у них заведено, матриархат.*

*И опять мы в Орле. Оделись как потеплее,
ведь, ещё зима на дворе.*

И опять мы втрём. Наша семья, парадное фото.

*Когда кипит морская гладь,
Корабль в печальном состоянии...*

*Живите так, как вас ведёт звезда
Под кущей обновлённой сени.
С приветствием вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.*

Владимир Исаич заплодировал и спросил меня, улыбаясь:

– А музыка чья? Ваша?

– Моя, – ответил я скромно.

– Пойдёмте наверх, что я вам покажу, – сказал он. – Экспонат. Особо никому не показываем, а вам покажу.

И я увидел посмертную маску Сергея Александровича Есенина – великого русского поэта. Над левой бровью у него был глубокий и страшный шрам. Очевидно, Есенина в «Англетере» прежде убили, а потом уже повесили на оконной раме.

Картина убийства поэта резко возникла в моей голове.

– Они мне говорят, смени отчество да смени, – сказал Владимир Исаич. – Оно у тебя, как у Солженицына.

Отечество я не меняю! – сказал мне Астахов.

Сын. Не меняют Отечество! – сказал я следом за ним.

А что у тебя, папа, было хорошего, радостного?

Отец. Пушкин и Рокоссовский. Встреча с ними в том же Малоархангельске. С Пушкиным, – помнишь? К открытию памятника Александра Сергеевича Пушкина к нам приезжал Григорий Григорьевич Пушкин – прямой потомок великого поэта, от его старшего сына Александра. Он был у нас дома, мы пили чай, вели интересную беседу, так сказать, о мире, о войне. О мире – Пушкин работал в Москве в типографии газеты «Правда». А в войне был разведчиком. И был у него один такой интересный случай. Однажды из-за линии фронта Григорий Григорьевич Пушкин привёл здорового немецкого оберста-полковника.

Построили по росту в один ряд всю группу разведки. Пушкин был небольшого росточка и оказался крайним справа.

– Как вы думаете? – спросили немецкого полковника. – Кто, по-вашему, конкретно из этих ребят взял вас в плен? Надел на голову капюшон и притащил за линию фронта.

Оберст подошёл к самому крупному нашему парню – старшему лейтенанту: – Этот?

Все засмеялись, а немецкий оберст-полковник аж на месте перевернулся, когда его подвели к Пушкину.

– Вот он? А как зовут его? – спросил немецкий полковник.

– Пушкин! – сказали ему.

Так оберст рассмеялся, даже расхохотался:

– Всё у вас Пушкин, Пушкин!

Отец. А про Рокоссовского ты всё уже знаешь. И это надолго, может быть, на всю оставшу-

юся жизнь. Я увидел его в 43-м в Малоархангельске во дворе старой школы, и это с детства моё самое сильное впечатление.

ГЛАВА IV

Сын. А как, папа, жили вы тогда, после войны? Хотя ты мне про это рассказывал, твоё военное детство так и сидит во мне, никуда не девается. Что интересно, и это всё во мне повторяется. И во сне, и наяву. Например, сны и сновидения. Это особое состояние человека, когда ему обязательно не то, что мерещится, повторяется, что происходило, но и снится не совсем то, что было. Вот, скажем, не было со мной такого, чтобы меня немецкие самолёты бомбили, или чтобы «враги сожгли родную хату», даже в подвальчике, где ты, мой папа со своей мамой, бабушкой моей, едва не сгорели живьём. И стихи про то, как «плакала корова» никогда не писал, а помнится это мне, никуда не девается.

Я и книжки-то люблю читать на военные темы, про жестокие бои на Орловско-Курской дуге, про войну кинофильмы смотрю, например «А зори здесь тихие» Из всех каналов телевидения особо люблю военный канал «Звезда», как и ты, папа.

Но мне хочется знать не только про Великую Отечественную войну, но и про другие войны. А их даже в нашей стране было немало. Например, с белофиннами, откуда папа Гаврюша вер-

нулся раненым в руку. Или гражданская война, это сразу после революции. Про гражданскую войну, папа, я, конечно, тоже не очень-то знаю. А ты, папа, ещё тогда и не родился. Это бабушка моя нам рассказывала и мне, и тебе, папа. Вот, помнится, что она рассказала...

Всё это, по её рассказам, происходило где-то на юге Воронежской области, в Хуторе Хорольском – на её малой родине. Это совсем близко от казачьего края.

Хутор Хорольский – село довольно большое, с церковью и сельсоветом. А председателем сельсовета был тогда отец моей бабушки – Герасим Макарыч. Сиротой рос, с молодости коров пас, трудовым был человеком. И образование по тем временам было у него неплохое – четыре класса ЦПШ (церковно – приходской школы). Это всё равно что нынешние восемь классов, а может, и больше.

Гражданская война была в то время такая. То красные, то белые придут. Пришли белые казаки. Подводы нужны, сено лошадям. Собрали сход. Ну, и где староста? А староста в лощине прячется вместе с семьёй? Но тут Герасиму Макарычу показалось, что белые казаки уже уехали. Вот он и вышел из своего укрытия и идёт в село. А тут сход. Старосту выбирают. Лёгко на помине Герасим Макарыч Нижевясов.

– Да вот он, вот! – закричали все, увидев его. – Вот наш председатель сельсовета.

– Ладно, – сказали белые донские казаки. – Нехай будет у нас старостой.

«Вот, сынок, какая была война», -говорила бабушка моя папе, которого в гражданскую войну ещё и на свете-то не было.

Люблю я книжки читать про войну. А почему? Я, например, даже Великую Отечественную в глаза не видел, не то, что гражданскую. Но книжки про войну мы с папой любим. Садится папа мой обедать и перед собой книжку кладёт, привычка такая. Мама его – моя бабушка ругает его, не разрешает читать за обедом, а он и ухом не ведёт. У него от этого больше аппетита. Вот, например, на столе у него лежит книга «Бои на Карельском перешейке». Толстая такая, много всяких рассказов. Это про войну, в которой воевал Лидин отец – папиной двоюродной сестрицы, дочки папы Гаврюши, и откуда он пришёл раненым в руку.

А сейчас, в наше время, мы с папой смотрим, конечно, не только кино по любимому военному каналу «Звезда», но и рыскаем в телевизоре по всяким другим каналам, нечаянно забираемся даже в платные.

В папином поколении, бывало, только и говорили про войну. Ещё бы! И сами пережили войну. И их ближние родственники. По Мало-архангельску ходили инвалиды, обивали костылями двери госучреждений.

Может быть, об этом я уже слышал от папы? Может, и слышал. Да ведь жизнь, если подумать, как вы думаете? – это сон, утренний туман. Признится одно, позабудется, а через какое-то время, глядишь, повторяется.

Уши набивает нам то радио, то телевидение. Вот сейчас то Кавказ, то Сирия. То беспилотники летают и бахают, то какие-то «игиловцы» стреляют из-за угла.

Отец. Бывалые люди – ветераны называются, которых осталось сейчас совсем ничего, рассказывают, что они такого не знали. Война так война. А ля гер, ком а ля гер? Это так, по-французски.

Сын. А, а! Ну, правильно ты, папочка, говоришь. Зачем нам по-французски? Будем говорить по-русски. Прочитай, папа, стихи свои «Родная речь». По-моему, в них тоже что-то есть о войне.

Родная речь

*Ты хранись в нас, о, русская речь,
Острый меч и испытанный щит.
Нам бы землю родную сберечь.
Русь святая себя сохранит.*

*Сохранит землю русскую сын,
Сохранит сына русская мать.
Будем ей, молчаливой, внимать
Под гортанные скрипы осин.*

*Под тележный заржавленный звук,
Под кровавые просыпи рос:
Был мой дедушка великоросс,
Не согласен на малое внук.*

*Ты хранись в нас, о, русская речь,
Русь, Россия родимая мать.
За неё уж пришлось в землю лечь,
За неё ещё будем стоять.*

Откровенно сказать, не люблю я войну. Ни гражданскую, ни белофинскую, никакую другую. Да, папа? Как это в песне поётся: «Мы – мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути».

Отец. Про войну, конечно, я многое помню, хоть и было мне в 43-м году, во время битвы на Орловско-Курской дуге, всего восемь лет. А через меня, через мои рассказы, через мои, можно сказать, гены и ты, сынок, что-то знаешь о той войне. Слава богу, война была до того, как ты родился. Но последствия её, как щупальцы, дотянулись, по-моему, и до нашего времени.

Ну, а я и про то, и про это. Про военные признаки в мире, и в войне про признаки мирные.

Ты уже спрашивал меня, где мы жили, когда приехали из Луковца, из эвакуации. Ну, где? Где можно жить в городе, разрушенном войной, лежащем в руинах. У Лаушкиных, конечно, где же ещё? Вместе спасались в войну от пожара у нас в подвальчике, вместе будем теперь тут у них спастись от всего, что было сразу после войны. В общем, не зарываться же в землянку, которых в городе уже понарыли везде и всюду, и люди живут в этих землянках, как мыши какие-ни-

будь или кроты. Например, Чугусовы по переулку Володарского, от которого теперь ничего не осталось. Так, одно название, что тут был переулок, а в нём были дома.

Дом у Лаушкиных двухквартирный. Они поселили нас в светлой, чистой квартире окнами на улицу, да ещё с солнечной стороны, а сами перешли туда, во двор, поближе к сараю. Пожили, прожили мы там, вот мать моя с отцом своим – Герасимом Макарычем – и говорят:

– Надо строиться, дом где-нибудь поставить.

Но пока нам дали от горсовета квартиру в конце улицы Либкнехта. Вот тут-то мы и вздумали всерьёз строить дом, нашли в городе место пустое, где и поставили дом, в котором живём до сих пор. Копаемся тут по хозяйству – в саду, огороде. А на зиму вместе с урожаем перебираемся в Орёл...

Все уже, наверно, забыли, как мы ставили дом, как возводили его, словно хоромы. Но я помню, а заодно и вспоминаю кое-какие детали. Очень нам нравилось жить на нашей улице, где мы жили перед войной. Дом на солнечной стороне, усадьба большая, с большим огородом, на половину которого мы тут же посадили сад. В основном яблони, но и груши. А из яблонь мы выделяем традиционную русскую антоновку, это от неё, когда она поспевает, разливается по городу такой аромат, как у писателя Ивана Бунина в его известном рассказе «Антоновские яблоки».

*Моя бабушка с дядей Симой в Малоархангельске,
на нашей усадьбе.*

*Мой папа в молодости,
помогает моей бабушке
по хозяйству.*

*Вот за этим столом под
яблоней мы отмечаем День
рождения бабушки. И всегда
отмечаем всякие праздники.*

*Снимок сделан значительно позже. Все мы под яблоней отмечаем 90-летие моей дорогой, родной, любимой бабушки (в центре, в белом платочке).
Живи, живи, бабушка, на благо всех нас.*

А это мы с мамой у нашего низенького домика в Малоархангельске (17 октября 2018 г.).

В Малоархангельске тоже на нашей улице у памятника А.С. Пушкину. Мы с А.С. Труновым по сторонам, а в середине наш гость Йозеф Воллинхофер из Австрии.

МАРИЯ, БЕДНАЯ МАРИЯ

Общий снимок. В пос. Синяевском, у нашего дома, на 50-летию моего папы, когда ещё все были живы.

И опять в Орле. У Дома литераторов (Слева направо) Алексей Перелыгин, Михаил Турбин, Леонард Золотарёв, Александр Иванович Лысенко, Василий Михайлович Катанов, Алексей Архипович Калекин.

Вишен мы не считаем. Вишни сами выросли в конце огорода. Хотя они и «дикарки», а вкус у них что надо, и варенье из них такое духовитое, вкусное, так что за уши не оттянешь. Как говорится, ешь не хочу. А мы ели и просто так, когда вишни поспеют, или варим варенье. Самым вкусным я считаю вишнёвое варенье.

А с домом было так. Всё мой дедушка Герасим Макарыч делал сам. Только когда ставили «фонарь», пригласили мы какого-то мужика, и вместе они быстро взгромозили наверх тяжёлые дубовые брёвна из блиндажей, привезённые нами на себе или на корове из Мурашихи.

Бедные мы были тогда, денег на всё не хватало. Дранку, какой обивают стены, помню, я делал из лозы, растущей у Куликоржавца. С трудом раскалывал я её долотом и прибивал по половинке к дубовым стенкам. Представляете? В дуб забить гвоздь, да ещё гвозди были какие-то длинные, мягкие, неподходящие, а других не было.

За какое-то время с этим было покончено. Стенки, в конце концов, были обиты. А всё равно на стадион играть в футбол, меня не отпускали. Другое дело нашлось: месить глину. Глина в Малоархангельске особая – желтоватая, вязкая, говорили – девонская глина. Особенно подходящей для строительства дома была глина около больницы. Там люди уже вырыли целые ямы, не мы одни строились, хорошую глину возами

возили, развозили по городу. Туда, где строились, а куда же ещё?

Нам глину привозили на лошади, ссыпали во дворе и ехали снова. Мама моя Мария Герасимовна тут же платила каждому, а после ночами сидела под «коптушкой» и шила людям одежду, зарабатывая на дом.

Моё дело было – глину эту месить. И месил я её ногами. Говорили, так месят виноград где-то в Молдавии и получают вино.

Я раскидывал глину лопатой, делал круг, наливал в круг колодезной воды, из колодца, который был тут же у нас, во дворе. И месил, месил я эту глину ногами. Размешивал тщательно, чтобы легче было потом её вколачивать в стены. Сам же потом я её и вколачивал.

На стадион, играть в футбол, меня не пускали до самого вечера. Как раб какой, я месил и месил эту проклятую, девонскую глину. Потом мы с мамой договорились: сделаю два замеса, вколочу глину в стенку, и свободен. Отправляйся хоть куда. И я летел на стадион, как на крыльях. Пулей носился я по футбольному полю, обгоняя всех. Знающие болельщики, которые собирались сюда на нас посмотреть, про меня говорили: «Спринтер! Будет бегать на короткие дистанции. Станет, может быть, даже мастером спорта»...

Мастером я не стал, а кандидата мне присвоили в Орле на областных соревнованиях, где я победил сразу на двух дистанциях. Это глина,

девонская глина, которую я считаю особой, развила мне ноги и воспитала характер.

Вот так, сынок, мы и строили дом на своей улице, которую я не прочь назвать Золотой. Я даже стихотворение написал. Вот оно, так и называется.

Золотая улица

*Золотая улица в мае звонче втрое,
Шумы тополиные входят в каждый дом.
Зацветает улица в утро голубое,
Осыпает голову пуховым дождём.*

*На деревьях зелено, под ногами – зелено.
Ходишь, улыбаешься встречному порой.
Почему бы улицу за красу весеннюю
Не назвать зелёною вместо золотой?..*

*На деревьях золото, под ногами – золото.
Ходишь, удивляешься щедрости такой.
Не за это ль улицу за красу осеннюю
Называют ласково люди золотой...*

И стоит наш дом на этой самой улице, которую я называю родной своей, золотой.

Сын. Папа, я люблю тебя очень и очень. Мы вместе любим эту нашу чудесную, прекрасную улицу, где стоит наш дом, во дворе которого ты месил девонскую глину.

ГЛАВА V

Сын. И тянет меня из Орла в Малоархангельск, на свою малую родину, хотя и родился-то я в Орле. Домой, домой – начинает всё во мне на разные лады повторяться. А там ведь не только дом, но и усадьба с огородом и садом. Прямо-таки денёчки считаю, когда мы отправимся туда, куда мысли летят впереди электрички. И вот, наконец, приходит долгожданный день – 26-го апреля, и мы все втроём отправляемся на железнодорожный вокзал.

Едем на электричке в Малоархангельск, это строго на юг от Орла, как раз посередине между Курском и Орлом. И думаем о Малоархангельске.

*В когорте малых городов,
Возможно, и не самый малый.
Он весь из парков и садов,
На стелах павшим звёзды алы.*

*А степь, а степь,
А степь, а степь,
А степь широкая.
А по степи кресты да колея.
А ключ Ока,
А небо синеокое,
Глубинка русская моя.*

Конечно, это папины стихи, а чьи же ещё? С этими словами, мы и подходим к низенькому

нашему зелёному дому под развесистой, плакучей берёзой. Зелёный забор. Калитка. На калитке маленький такой, вёрткий замочек, обёрнутый на зиму в целлофан. И ключик тоже маленький такой, да удаленький. Замок – собачка верная, не лает, не кусается, а не пускает в дверь.

Открываем калитку, входим и видим, везде тут от берёзы опавшие листья, ещё не увядшие серёжки.

– Ну, здравствуй, наш дом! – говорит мой отец и ставит сумку с нашим орловским добром на порожки.

– Здравствуй, наш двор, наша яблоня у крыльца, наша усадьба! – говорим хором мы все троём.

Заходим в дом, и тут же начинаем разворачивать бурную деятельность. Первым делом надо зажечь печку, после зимы, как следует, протопить. Пусть топится часов до пяти следующего дня. Затем просушить одеяло, подушки, одежду, которой тут хватает, столько же, сколько и в Орле. И только потом уже зажигаем газовую плиту и ставим чайник, вытаскиваем из сумки то, что привезли с собой: сырки, ржаные лепёшки, колбаску.

Пьём чай с удовольствием. Стены-то родные, намоленные, как соскучились, хочется пробежаться туда, наверх, по усадьбе, провести, так сказать, местную ревизию. Не вымерз ли чеснок от морозов? А саженцы абрикосов, вишен, черешни? А кусты чёрной и белой смородины?

Пьём чай в передней комнате и разговариваем потихоньку. «Тихо сам с собою, тихо сам с собою я веду беседу».

– Папа, – спрашиваю я отца, – а варенье смородиновое у нас есть?

– Да полный подвал, – улыбается он. – Наверно, с десяток трёхлитровых банок. И вишнёвое, и малиновое варенье.

Дело в том, что смородиновое – моё любимое варенье, я люблю пить чай с чёрной смородиной. А вишнёвое – папино, он его просто обожает. Сладкое, пахнет вишней, а мамино варенье – малиновое. Она любит лазать по малиннику, собирать отборную ягоду и варить малиновое варенье. Мы с папой на мамино малиновое варенье не претендуем.

– Да, мама? – говорю я. – Давай я сбегаю в подвал и принесу твоего любимого варенья.

– погоди, куда спешить-то? – улыбается мама, отхлёбывая из своей собственной чашки, на которую тоже никто, кроме неё, не претендует.

Вот так и проходит первый день пребывания в нашем доме тут у нас, в Малоархангельске. Гудит в печке газ, шумит берёза, кипятим уже второй чайник и пьём чай даже и без варенья с превеликим удовольствием.

Отец. Хорошо, что всё же провёл я газ. Хотя мама моя Мария Герасимовна, тётя Маруся, как звали её тут соседи, была и категорически против. Теперь её нет, а газ есть. Топим газом вес-

ной, когда приезжаем, и поздней осенью, когда уезжаем. И в ус не дуем. Дрова не надо колоть, уголь из сарая не надо носить. И вообще не надо лишнюю грязь разводить. Мать твоя, Игорёк, любит чистоту и порядок. За каждой пылинкой с сырой тряпкой гоняется. А мы что? Мы стараемся не очень-то выходить из себя.

– Да, сын? – говорю я ему, а между тем отхлёбываю чай из своей большой кружки, подаренный мне к дню рождения. – Игорь у нас какой – культурный, обходительный: папу слушается, маму не обижает. Вот и сейчас, я знаю, возьмёт в руку сырую тряпку и начнёт шуровать, полы протирать, помогать маме, да, Игорь?

– Сначала надо подмести, – говорит он. – А то всякого сора у нас тут хватает. Мыши бегали, с потолка сыпалась штукатурка, да, папа?

– Что это вы заладили: да, Игорь? Да, папа? – рассмеялась наша мама Людмила Серафимовна.

Нет теперь тут в доме не только моей мамы – Марии Герасимовны, нет и отчима моего – дяди Симы. Поневоле вспоминается, что он звал нашу Людмилу Серафимовну дочкой. А почему? Да, почему?

– Отец у меня тоже был Серафим Петрович, – сказала невесело Людмила Серафимовна – наша мама, дяди Симины «дочка». – Тоже погиб где-то под Ленинградом, на Синявинских высотах. Недавно только раскопали, где погиб и где похоронен.

Маленько подкрепившись у себя в доме, мы с Игорем тут же отправились на огород. Прошли куда подальше, мимо чеснока до самых вишен, которые держались вместе, росли плотно; одна за одной. Осмотрели абрикосы, посаженные в прошлом году: не тронул ли мороз какой – либо саженец? Нет, не тронул. А груши? Одна с круглыми плодами, похожа на бергамот. А другая – «русская красавица» – длинничком вроде бы «дули», были раньше такие груши – очень сочные, крупные, теперь таких нет.

Прошли оттуда домой, проходим мимо, как мы называем, «бабушкиной яблони», а так она сорта «бельфлёр – китайка». Старая, разветвлённая яблоня, ещё дедушка мой посадил её тогда, после войны, когда строили дом. Тут, под яблоней, стол у нас, за которым обычно заседаем, принимаем гостей, да и сами по праздникам приносим сюда самовар. Летом под ветками тень, хорошо.

– Игорь, – говорю я, – видишь, стол стоит, а без столешницы, без крышки. Пойдём принесём из второго сарая?

– Пойдём, – ответил сын мой с готовностью, подросток парень, теперь хороший помощник, любит землю, копается в ней, вырастет трудоголик.

Пошли мы и принесли вдвоём тяжёлую столешницу и на стол положили. И пошло, поехало. Принесли первую бочку, тут же под бабушкиной яблоней и водрузили на кирпичи. Потом вторую бочку понесли. Эта потяжелее, понесли

её вдвоём аж под молодую яблоню «Орловский синап», которая уже дала нам плоды. Поставили под неё эту бочку. У синапа яркие, жёлтые яблоки, в них видать всё насквозь.

Потом, думаем с Игорем, надо же бочки эти налить, чего быть им пустыми? Стали проводить шланг. Через всю усадьбу от колонки в первом дворе до самого верха.

Да, Игорь? Мы с тобой «трудоголики».

***

Сын. И жить будем мы теперь тут всё время до самой глубокой осени. Правда, кое – когда съездим в Орёл то на автобусе Малоархангельск – Орёл, то на электричке Курск – Орёл. А дел в Орле у нас всяких тоже хватает. И за квартиру заплатить, и на охрану поставить. Охрана квартиры нужна, а как же? Как-то раз и я поехал с папой в Орёл: книжку его издавать и в аптеку понадобилось. Нет в Малоархангельске таких таблеток, а там есть – в аптеке при поликлинике №5, что на улице Горького.

Едва войдёшь в квартиру, сразу надо бросаться к телефону и звонить в службу охраны. Взялся отец мой за телефонную трубку да, видать, поспешил, как-то неловко взялся, вот телефон нежданно – негаданно и отключился.

Отец мой к соседям, на нашем этаже, дверь напротив. Один раз так уже было. Но в этот раз дверь оказалась на замке, соседи куда-то ушли. Что делать? Вернулся отец в свою квартиру и

опять же за телефон. «Может, как-нибудь, – думает, – восстановилось, работает телефон?» Нет, не работает. А время идёт. В положении об охране записано: что в случае чего охрана приезжает через пятнадцать минут.

И вот они, прикатили. Вошли в раскрытую дверь, вдвоём и с автоматами. Мне даже страшно стало. Жареным запахло. Напомнило о войне.

– Вы что тут делаете? – строго спросили они.

– Как что? – оторопел отец. – Мы в нашей квартире. Это наша квартира. Вот только с телефоном что-то случилось, не работает.

– Попробуем, – сказал один из них. – Верно, не работает.

– Глухо, как в танке, – сказал он и повернулся к другому охраннику. – Ну, что, поверим?

– Ладно, – махнул рукой другой охранник, скорее всего, старший из них, начальник.

Уходя, они ещё раз звякнули автоматами, знай, мол, наших, и исчезли в двери...

Мы с папой стояли, как говорится, офонарев. Всё было как во сне. Сквозь пелену виделись эти двое с автоматами. И вообще всё плыло у нас перед глазами, как в каком-нибудь дурном, летаргическом сне. Почему в «летаргическом»? А кто его знает, может, и не в «летаргическом», но больно слово-то невероятное, какое-то медицинское. А ведь только что было тут что-то военное. В фуражках и с оружием в руках.

В войну, папа рассказывал, у него тоже был автомат. «ППШ» – пистолет – пулемёт Шпаги-

*Орёл, на главной
площади мой папа
с бородкой. Ничего
себе? Да?*

*Мой папа со своим
давним другом
Грачёвым Иваном
Александровичем –
Главой Мценского
района.*

*А это опять-таки в Малоархангельске.
Встречаемся у памятника А.С. Пушкину
с делегацией из Австрии.*

В День рождения А.С. Пушкина, на празднике Русского языка, мой папа читает стихи Пушкина и свои, собственного, так сказать, сочинения.

*Переносимся снова
в Орёл, в свою квартиру,
что в доме на улице
8 Марта. Это вид
на двор с высоты нашего
четвёртого этажа.*

*Осень. Мой папа выбрал
себе яркое, красивое ме-
стечко, не правда ли?*

*Это мой папа в Орле,
в своём кабинете,
за рабочим столом.*

*Торжественный снимок:
бабушка моя Мария Герасимовна,
папин дедушка Герасим Макарыч
и мой папа Леонард Михайлович.*

Общий снимок. Наша большая семья, когда все ещё были живы. Львов, Стрыйский парк, август 1973 года. Это когда мы все втроём приехали во Львов с моря из Одессы, а моя бабушка – папина мама, Мария Герасимовна, – из Малоархангельска.

Ценный для нашей большой семьи снимок.

на. С круглым диском, набитым патронами. Кажется, 72 патрона. Где-то в саду нашёл. Вот с такими автоматами и воевали наши в сорок третьем году.

Тут же пошли мы с папой на кухню. Папа мой присел на стул у обеденного стола, а я принёс из коридора, от телефона, музыкальный стульчик, который мы называем «железным». Ну, не «железный» он, это мы его так называем, а какой-то всё-таки тяжёлый. Обычно стоит у пианино – светлого, какого-то соснового цвета, брянской марки «Десна». Это родители мне купили, чтобы я ходил в детскую музыкальную школу №4. Но я стал ходить в спортивную секцию Дворца спорта – на бокс. Ничего себе! Пианино и бокс. Бокс и пианино. Но пианино стоит дома уже какой год, а бокс перестали культивировать даже во Дворце спорта.

«А теперь йогой, что ли, заняться?»

– Папа, может, мне йогой заняться? – спросил я и повесил на стенку инструкцию по этой самой йоге. – Может, и не по «индийской» йоге, а с острова Цейлон. Да, папа?

– Да, да, – отчего-то раздражённо сказал мой отец, сидя на кухне.

И тут телефон неожиданно заработал. Позвонила мама из Малоархангельска, откуда ещё?

– Ну, как вы там, доехали? – спросила она. – А я в магазин ходила, купила тут кое – чего к вашему приезду.

– Где купила? – спросил её папа мой.

– Да в «Магните», где же ещё? Конечно, в «Магните», там же всё есть.

«Магнит» в Малоархангельске открыли недавно, была тут когда-то баня, а теперь большой магазин. Как в Орле на нашей улице 8 марта. Наконец-то, живём на улице с приличным названием. А то были такие – «Машиностроительная», «Интернатная». Нехватало какой-нибудь улицы Кирпичной или Черепичной. До сих пор жива память об общежитии на улице Машиностроительной, и где жили мы неподалеку от трамвая.

– Шёл девятый номер,

На площадке кто-то помер, – замурлыкал мой папа.

– Слава богу, – придя в себя, сказал я вслух сам себе. – «Тихо сам с собою, тихо сам с собою я веду беседу, я веду беседу». «На дальней станции сойду, трава по пояс».

Позвонили из налоговой инспекции. Сказали, что нам надо заплатить какую-то недоимку. «Началось! – подумали мы с папой. – Надо скорее сматываться обратно в Малоархангельск. Пока звонками тут нас не доконали».

Дело в том, что по телефону у нас любит разговаривать наша мама. Часами может сидеть, как кукушка, у домашнего телефона. Например, разговаривать со Златой Фоссмань-Гавриловой из г. Лиона, Франция. Или с Юлией Киреевой даже из Сингапура. «Летите, голуби, летите, для вас всегда свободы много... Несите, голуби, несите народам мира свой привет!»

ГЛАВА VI

Сын. «Важней всего погода в доме, – замурлыкал отец мой. – И непогода тоже. По крайней мере, дома будем сидеть, когда на улице снегу выше колена или когда гололёд».

– Ты бы, спел что-нибудь погромче, – попросил отца Игорь, тоже большой любитель всяких музыкальных фрагментов. – Из твоего репертуара, а то даже свои собственные, из собрания твоих музыкальных сочинений.

– Ну, и какую спеть? – сразу повеселел отец. – Принимаю заявку, скоро, наверно, опять буду петь по орловскому радио.

– Какую! Да какая в душу глянет... Ну, например, «Горлинку». Горлинка – что? Дикий голубь?

– Да, и ещё витютень, – улыбнулся отец мой. – По городу тут летают, голоса подают. Слышишь, где-то далеко на другой улице из себя выходят и сюда прилетают.

– Знаю, знаю, папочка, ты мне рассказывал.

– Про что?

– Да про то, как прилетела к нам сюда горлинка и села на яблоню прямо напротив крыльца. Ты, папа, даже её сфотографировал, у нас есть фото. Птица, похожая на голубя, аккуратно выглядывает из – за ствола.

– Так дикий же голубь-то, – усмехнулся отец. – А у нас в то время был Витя Садовский – талант, на все руки мастер. И стихи сочинять, и

музыку писать, на баяне играть. Он у нас дома в большой комнате как раз клал на ноты кое – какие мои стихи. А я, чтобы не мешать, читал в своей комнатке, а заодно чутким ухом улавливал Витин баян.

Отец. Кажется, я уже рассказывал, как начал музыку сочинять? Шёл как-то по улице в школу, остановился у куста сирени, сирень была там, где сейчас редакция газеты «Звезда». И слышу: «тень – тень, пень – пень», а это капли падают с широких листьев сирени и, падая, создают музыку – тонкую, едва уловимую, а я её слышу, она остаётся в душе и долго мучает меня, пока не забудется.

Так продолжалось годы. Пока у меня не появился «япоша» – маленькая такая штучка, магнитофон. Всё, что хочешь на плёнку записывай, только слушай потом и людям показывай. Вон их сколько, песен тех, набралось: и лирические, и патриотические, и даже про мир и войну.

Сын. Да, папа, такие-то дела. Как говорил мой крёстный, дружок твой дядя Валя Чухаркин: «Вот дела, вот дела! Жена негра родила!» И при этом энергично тёр ладонью о ладонь, так что искры из рук сыпались. Ничего себе, шуточка.

Отец. Всё хорошо, что хорошо кончается. Но музыка во мне никогда не кончается. Перешло, можно сказать, в крупные произведения. Сначала я положил на музыку циклы стихов, а потом добрался и до романов в стихах, стал подбирать к ним свои музыкальные ключи.

Сын. А что же ты, папа, не показываешь их? Никто ведь не знает про них.

Отец. Никто. Никто – это невидимый герой, можно сказать, «фантом» из «Одиссеи» Гомера. Не показываю людям, стесняюсь, наверно. А внутри себя всегда, в любое время пою... Такие-то дела, жена негра родила...

И тут строчки сами побежали у меня одна за другой из песни про «Горлинку».

*Как приеду в городок свой стольненький,
В Малый Архангельск на святой Руси,
Расцветёт в душе цветочек аленький.
Бога о чём-нибудь попроси.*

*Горлинка, горлинка – птица неудалая.
На берёзу сядет над моим окном.
Запоёт, заушает – песню запоздалая,
В горле остановится, на сердце моём.*

*Как взгляну на местность небогатую
Песня жутковата, улица пуста.
Горлинку сизую – птицу неудалаю
Приютили милые места.*

*Горлинка, горлинка – птица неудалая,
На берёзе ухнет, как из под земли.
Русь моя великая, сторона бывалая,
Ну, кого ещё сегодня отнесли?*

*Горлинка, горлинка – птица судьбоватая.
Не вещуй нам, мимо пролети.
По-за каждым окнушком, над лобую хатую
Мой цветочек аленький, свети!*

– Хороши слова, – похвалил я отца.

– Минут за пятнадцать написалось, – сказал он спокойно, без всякой рисовки.

– Пошёл в большую комнату Садовскому показать...

– Вот это да! – удивился Витя.- Только что слушал горлинку и уже стихи про неё... Теперь клади их, что ли, на музыку, ты это можешь, и я положу их на ноты.

Это была моя тридцать пятая песня, положенная Витей Садовским на ноты. А ноты папа потом вставил в книжку, а книжку назвал «Вечерний звон»... певческое название...

***

Отец. Так вот, мать моя Мария Герасимовна шила людям одежду, была известной на всю округу портнихой, а Мария Сергеевна Шукшина – Куксина в Сростках плела кружева. Вообще, в тех местах кружева до сих пор пользуются популярностью. Их суют всюду куда только можно. Прежде всего в качестве воротничков носят на платье или на кофточке. Расстилают где-нибудь на столе, на комод, кладут под зеркало. Кружева плелись настолько художественно, что это было прямо-таки искусство.

Отец детей Марии Сергеевны ушёл на фронт и погиб, и она осталась одна с двумя детьми на руках.

Конечно, их надо было кормить, обувать – одевать, а от государства, как и у нас в Малоархангельске, не больно чего добьёшься. Никакой помощи, более того, бывало, ещё и норвят сорвать с тебя что –нибудь, бросить на дно жизни.

И там, в Сростках, были такие же «финны» – фининспекция, аппарат взывания и подавления. Так же гонялись за Марией Сергеевной, как и за моей матерью Марией Герасимовной. А ведь Шукшины жили в какой-то хибарке и мечтали купить домишко получше, попросторнее этой хибарки. И вот поймали её за плетением кружев и отправили в районный народный суд...

Сын. А наша бабушка была в суде заседателем. Она мне рассказывала, как судили одну женщину за колоски. На скошенном хлебном поле собирала она колоски, а нельзя, не бери, пусть лучше пропадает... Бабушка моя даже плакала, когда женщине той судья присудил взять с неё неподъёмную сумму – несколько тысяч...

Отец. Ну, вот, примерно так было и у Марии Сергеевны Шукшиной. Тут уж не до мечты всей своей жизни – какого-нибудь приличного домика, а, как говорится, быть бы живу.

Эти «финны» были не хуже тех, с кем пришлось воевать маминому старшему брату – моему папе Гаврюше. Они и во второй мировой войне были на стороне гитлеровской Германии.

***

Отец. А теперь, Игорь, мне хочется сказать всем про другое. Как говорил герой одной классической оперетты: «Маменька, у меня финансовый вопрос». И у меня финансовый вопрос, только не такой, как в классической оперетте, а всерьёз, без всяких фокусов, без скидок на несерьёзность. Может быть, мама моя Мария Герасимовна и не ушла бы из жизни раньше, хоть и прожила немало. Да ведь её бабушка – донская казачка – прожила сто лет. Представляешь, Игорь, сто лет! Порода, наверно, у нас такая: жить до упора, как говорит друг мой Коля Мозжухин, полковник в отставке, нам до ста расти, жить без старости. Хотя у него и диабет. Оптимист! Учиться у таких людей надо.

Так вот, о финансах. Точнее, о «финнах» – фининспекторах, которые не одного-то отправили на тот свет. Я уже рассказывал про мать мою Марию Герасимовну, как эти «финны» гонялись за ней, когда мы строили дом, и мать моя зарабатывала на хлеб. Я о другой Марии – о Марии Сергеевне Шукшиной, матери Василия Макарыча Шукшина.

Жили Шукшины в алтайском селе Сростки.

Я побывал там, когда писал повесть «Не рыдай меня, мати» об известном артисте и писателе Василии Шукшине.

Так вот, жила Мария Сергеевна в Сростках с двумя детьми: старшая – девочка, а младший – Вася, в будущем деятель нашей культуры. Труд-

но жилось с детьми Марии Сергеевны, как и Марии Герасимовны, моей матери. Отличие было только в том, что одна жила в алтайских Сростках, а другая – в Малоархангельске, в Серединой России, куда в октябре 1941 года пришли немцы. Были в Малоархангельске и финны. Видел их собственными глазами. Долговязые какие-то, рыжие – вдвоём они вошли в комнату, где мама моя как раз копалась в сундуке, перебирала всякие вещи. И как раз достала оттуда кожаные перчатки и положила перед собой.

И тут один из них, такой рыжий и долговязый, схватил перчатки и сунул себе в карман.

– Твари! – закричала моя мама. – Что вы делаете, грабители, мародёры! Вон мальчику, – показывала она на меня, – будут впору, когда подрастёт.

– Хальт! – почему-то по-немецки закричал на неё другой финн и щёлкнул автоматом, а этот, что реквизировал перчатки, закричал тоже что-то по-своему и стал тыкать пальцем в фотографию на стене.

В Гавриила Герасимовича, в военной форме политрука со знаком отличия на рукаве.

– Комиссар! Комиссар! – заорали оба они благим матом, потом потоптались на месте, оглядели комнату, нет ли ещё чем поживиться, и ушли.

Сын. Папа, это были настоящие финны? Или так, какие-нибудь переодетые немцы?

Отец. Ещё бы! Самые настоящие. Именно с такими и воевал папа Гаврюша на Карельском

перешейке. И, может, именно они ранили его в руку.

«Ишь, как двое этих финнов сплотились в одно с нашими «финнами»», – думалось нам с отцом, когда они вспоминали былое. Былое и думы. Прошлое и настоящее.

Золото в кармане у инков. Патроны в автоматах у финнов на вес золота. А перчатки в кармане у финна.

Конечно, не деньги решают всё, а что же?

Отцу. И стал папа мой шептать какие-то слова себе как молитву. Это он шептал ей, своей матери.

*Я сын её! Переживали вместе,
Святую Русь старались воздымать.
Боюсь, исторгну звук, а целой песни,
А песни всей уж не услышит мать.*

*Сын (повторяя следом за ним)
Боюсь, исторгну звук, а целой песни,
А песни всей уж не услышит бабушка.
Дорогая, родная, любимая моя,
хорошая бабушка!*

ГЛАВА VII

Сын. Бабушка очень, очень любила меня. И меня всегда тянуло к ней, как магнитом, да, пап?

Отцу. Я уже говорил тебе, что мать моя – твоя бабушка, конечно, очень, очень любила

тебя, своего внука. Посмотри на фотографиях, с какой радостью она держит тебя на руках с самого твоего рождения. Об этом и писала она на обороте своих фотографий, которые неизменно дарила тебе.

«На долгую память моему любимому внуку Игорьку. Игорёк! Пусть этот лик останется в твоей памяти и в твоём сердце навсегда. Твоя любимая бабушка Маня».

Отец. Можно повторять и повторять то, что сказал я когда-то. Бабушки часто любят своих внуков больше, чем даже своих детей. Внуки такие маленькие, такие хорошенькие! Ну, как не любить их, когда они тянут к тебе свои ручонки и среди первых слов произносятся не только звуки «ма» и «па», но и такое короткое, ласковое, просто замечательное слово «ба», ба, ба! Ба-бушка! Вот так, а то как же.

Она любила шить тебе всякие костюмчики, ты на фото то в матроске, то ещё в какой-либо красивой одежде. «Бабушка!» – говорил ты ей и тянул к ней ручонки. И рос ты у неё на глазах. А ты, бывало, сорвёшь в саду первое яблоко и бежишь, даришь ей, своей любимой, доброй, хорошей, ласковой бабушке.

А когда ты подросток, на огороде забирал у меня лопату и принимался копать землю сам. Бабушку ты звал к телевизору, если была интересная, полезная передача. А когда ты был ещё маленьким, мы оставляли тебя твоей бабушке, если куда-нибудь уезжали, и знали, что всё бу-

дет в порядке. Ребёнок будет накормлен, догляжен, ухожен.

На такую заботу о себе, конечно же, ты отвечал любовью. Ты всегда летел в Малоархангельск, как на крыльях – к своей бабушке.

Вот и сейчас, идёт март – месяц, а ты считаешь денёчки, когда мы все втроём отправимся в свой Малоархангельск. Приедем, бросим, как говорится, якорь и сразу же, через день, отправимся на кладбище, к бабушке. И это в день поминовения усопших, вечно живущих в душе.

Сын. Папочка, я и тебя люблю очень – очень, и маму свою, конечно. Дорогую мою, хорошую. Мне хочется сказать о том, что считаю важным для себя. О книгах, которые мы с бабушкой любили читать вдвоём, где-нибудь уединившись. Я покупал книги в магазине или приносил из библиотеки, или привозил из Орла...

Отец. Да уж этого у тебя не отнять. У тебя просто культ книг. Вон сколько книг дома у нас – целая библиотека. И многие из них ты прочитал, и к лучшим возвращаешься. Читаешь ты, как пулей летишь по страницам, спросишь: «Неужто ты уже прочитал?» Оказывается, прочитал и всё помнишь до мельчайших деталей. Любил и нашему коту Васе читать книги, сидя где-нибудь на диване, а он лежал у тебя на груди. И получается, с бабушкой читаешь книги ты по душам, с мамой – по-французски, с котом Васей – по-человечески. Так, Игорь? Верно, я говорю?

Сын. Конечно. Се сертен. Давай мы с тобой устроим сегодня вечер культурного отдыха... Гулять пойдём, папа, пока погода в доме и на дворе...

Отец. По-моему, погода будет постепенно налаживаться. Арктический холод сменится северо-западным ветром от Гольфстрима – это тёплое течение в Атлантическом океане, от которого зависит погода в доме и на улице, в марте, апреле и мае, и летом на всю оставшуюся жизнь.

Ты, Игорь, в этом смысле прямо-таки фанатик. Как только услышишь голос Ирины Поляковой по НТВ, так тут же летишь к телевизору: что она скажет, какой на завтра представит прогноз? Ехать или не ехать в Малоархангельск, брать с собой зонтик или не брать и т.д. и т.п.

У тебя, Игорь, есть целые тома, составленные тобой самим. За годы «хождения» к поэтам. Причём многие стихотворения знаешь на память. Не перечесть сколько. Особенно любишь читать на память Бальмонта.

– Игорёк, прочитай моё любимое из Бальмонта, ты знаешь какое.

Сын. (откашлявшись в кулак)

Константин Бальмонт.

«Будь без страха»

*Если ты поэт и хочешь быть могучим,
Хочешь быть бессмертным в памяти людей,
Порази их в сердце вымыслом певучим,
Думу закали на пламени страстей.*

*Ты видал кинжалы древнего Толедо?
Лучших не увидишь, где бы ни искал.
На клинке узорном надпись: «Sin miedo», –
Будь всегда бесстрашным, властен их закал.*

*Раскалённой стали форму придавая,
В сталь кладут по черни золота узор,
И века сверкает красота живая
Двух металлов слитых, разных с давних пор.*

*Чтоб твои мечты вовек не отблестали,
Чтоб твоя душа всегда была жива,
Разбросай в напевах золото по стали,
Влей огонь застывший в звонкие слова.*

***

Наконец-то 26 апреля 2020 года! Всё уже готово к отъезду. Собрали нужные вещи, кое-какие продукты питания, которых может не оказаться в Малоархангельске. И, конечно, книги, которые вышли тут в Орле в последнее время. Это, прежде всего, 14-й том собрания сочинений Леонарда Михайловича Золотарёва, историческая трагедия «Храм Спасения Руси». Это книги – для малоархангельской городской библиотеки, краеведческого музея, себе, как всегда, всем по одному экземпляру. Ну, и ещё кое-кому из близких к журналу «Русское поле» людей. Это сразу три книги, вышедшие одна за другой, красивые по оформлению, разнообразные по тексту: книга для детей Игоря Золотарёва «Ласточкин дом» (повесть и

рассказы), книга поэзии Леонарда Золотарёва, посвящённая 200-летию А.А. Фета. Избранное. Около полусотни отборных стихотворений автора в четырёх разделах. Книга поэзии называется «За околицей». Наконец, совсем свежая, ещё пахнет типографской краской, эта вот совместная книга отца и сына, точнее, сына и отца Игоря и Леонарда Золотарёвых по сути об истории своей семьи, в какой-то мере, может, даже трагической «Мария, бедная Мария». Главная героиня книги – дорогая, родная, замечательная мама и бабушка Мария Герасимовна Нижевьясова, наша русская «декабристка». Как известная в истории Чернышова – Муравьёва, она побывала на Соловках, на этом символе Архипелага Гулаг. Это, можно сказать, пример для сына и внука, для всех людей на земле. По силе духа, стойкости характера, красоте и трагичности жизни, всех её немало прожитых лет.

Вещи собраны, и с вечера все они уже в коридоре под зеркалом, под рогами оленя, привезёнными когда-то Леонардом Михайловичем Золотарёвым с БАМА, из Забайкалья.

Погоня

*Медведь пугнул оленя у ключа,
Метался, тонконогий, от медведя.
Рога ветвями стлались по плечам,
Копыта колотили гололедье.*

Завтра всё это будет в Малоархангельске. Всё там должно быть так же, как и тут, в Орле, осо-

бенно книги. Один к одному. И стол, конечно, там у писателя Леонарда Золотарёва, и рабочий кабинет.

Всякого добра, оказывается, столько, что приходится брать такси. Правда, это не так уж и дорого. Да ведь едем-то до глубокой осени с наездами в Орёл, да и доедем быстро -за какой-то час с четвертью.

И вот утро 26-го апреля. Торжественная тишина. Чай, кофе. Ничего не забыли? До свиданья, Орёл! До свиданья, наша квартира! Наши книги, наши друзья и знакомые.

- Ну, присели. Посидели чуть-чуть. Встали и - в путь.

***

Сын. Папа, а у Перунова капища, что под Орлом, по дороге на юг - на Змиёвку и Малоархангельск - мы остановимся?

Отец. А как ты думаешь?

Сын. Надо.

Отец. А как мама наша?

Мама. Людмила Серафимовна. Надо.

Отец (рассмеявшись). Естественно, остановимся. На Перуновом капище, мы знаем, стоит в Москве главный кафедральный храм России, где службы ведёт сам светейший Патриарх Кирилл.

Сын. Ты имеешь в виду Храм Спасения Руси?

Отец. А то как же, конечно. Храм Христа Спасителя. Встань и иди, встань и иди.

– Встань и иди, – повторили за ним, как заклинание, Игорь и Людмила Серафимовна.

Они встали и двинулись к выходу. Такси уже ждало их у подъезда.

***

И в самом деле, «замок – собачка верная. Не лает, не кусается, а не пускает в дверь».

Ключи оказались сразу у двоих – у папы и мамы. Кому открывать?

Вперёд выступает наша мама. Она всегда и во всём у нас первая. Такой человек. Лидер семьи. А папа – лидер в литературе.

Отец. А ты в чём лидер, сынок?

Сын. А я лидер во всём остальном. В науке, в переводе, в детских книгах.

Отец. Молодец! За словом в карман не полезешь.

Сын. Мама открыла калитку, и мы оказались в первом дворе. Перекрестились, подняли глаза к небу, чтобы Боги дали нам сил, здоровья. И, как молитву, папа стал тихо читать третью «Заповедь блаженства» из своей книги «Храм Спасения Руси».

Заповедь третья

*Блаженны те, кто сердцем кротки
И ждут того же от других.
А лета всё – таки коротки
У всех мыслителей таких.*

*Но кем наследуются земли
И кто придёт – они идут,
Так это, чьи блаженны семьи,
В каких не ропщут и не лгут.*

*Когда они и им прощают,
Во зле едва ль утонем мы,
Хоть в церкви рай и обещают,*

*Но где тот храм у той кромы?
Мы терпеливы, нам прощенье
И посылают за терпенье.*

Сын. Отец! Мог бы прочитать и что-то другое. У тебя в «Заповедях блаженства» есть кое-что и посильнее. Особо чем тут конец «Третьей заповеди». Ну, что это – «нам прощенье и посылают за терпенье». Толстовство какое-то в натуральной форме.

Мама. Ну, вот! Вы тут будете дискуссии разводить, а я вещи носи.

– Пардон, мадам, – весело сказали мы и вошли в дом.

ЭПИЛОГ

Отец. И вот она – родительская «Радуница», вторник второй недели после Пасхи. И мы все втроём идём на городское кладбище Малоархангельска проведать своих – дедушку моего Герасима Макарыча и его дочь – нашу маму и бабушку Марию Герасимовну... «Мария, бедная Мария»... Здесь лежат многие, все мои друзья тут, а где же ещё. А вот в самом начале кладбища, почти у его края, высокопоставленная могила с высоким мраморным памятником – это Коля Юдин – приятель мой, тоже с нашей улицы, учился классом пониже, на год моложе меня. Ходил мимо наших окон в школу, а потом год был в Орле губернатором – Николай Павлович Юдин. А где-то тут наши однофамильцы Золотарёвы: Ольга Сергеевна и Тит Борисович – соседи по улице, жили даже в нашем квартале. Тит Борисович – сапожник, спокойный такой, уравновешенный, просто замечательный человек...

Мы держим курс во глубину кладбища. После зимы в первый раз как в первый класс. По всему кладбищу слышатся голоса, это, как и мы, люди пришли проведать своих, лежащих где-то во глубине. Русские кладбища, наверно, такие, как и вся Россия: большие, даже огромные, порядка только в них нет. Помнится, не так уж и давно под Орлом, на сельском погосте, хоронили зятя одного моего друга – писателя, несли по улице доблестного русского офицера, погиб-

шего от душманской мины в Афганистане под Кандагаром. Молодой человек закончил Высшее военное училище имени Верховного Совета РСФСР, и его направили в войска, действующие в этой горячей точке планеты.

Конечно, погиб так, не за здорово живёшь, от случайной мины, рванувшей на дороге под машиной. Нашего парня не стало, а афганца за рулём даже не зацепило. Он же и прибыл к нам в Россию хоронить молодого русского офицера и в составе группы афганцев производил салют у этого кладбища, вблизи деревеньки, кажется, Лихопёково. Почему на краю кладбища, а не над самой могилкой? А на кладбище этом, чтобы пройти к офицерской могилке, некуда было и ноги-то поставить. Гроб, куда надо, люди несли, передавая из рук в руки, поверх всяких оград.

Отец. Мне это вспомнилось тут, на малоархангельском кладбище. Тоже ведь наподобие того, что увидел я тогда в Лихопёково. А так всё-таки тут, на малоархангельском кладбище, вроде ничего, есть главная дорожка, есть боковые – в правую и левую сторону. Можно нести гроб на руках, не тревожа покоя усопшего. И грачи, грачи на деревьях. С центра Малоархангельска, где деревья спилили и образовали Парк Героев, теперь там даже памятник Рокоссовскому Константину Константиновичу. Грачи эти улетели оттуда, переселились сюда. Теперь тут они без конца по деревьям каркают, оплакивают судьбу.

Первой в нашей маленькой траурной процессии шла наша мама – Людмила Серафимовна. Она ничего не несла, просто дорогу показывала. Сегодня мы пошли к своим могилкам незнакомым путём, захотелось увидеть, где покоятся однофамильцы наши Золотарёвы – Тит Борисыч и Ольга Сергеевна – соседи на нашей улице, можно сказать, друзья.

За мамой шёл Игорь с ведром, доверху всякие инструменты: тяпки, бутылки с водой, совок и веник, чтобы поработать хорошенько, привести могилки в порядок. А уж всю эту небольшую процессию замыкал с лопатой и я. Лопата у меня – сбивать лопухи и крапиву.

Издалека видна эта «печка» – памятник тех ещё лет, сложен из кирпичей, потому и зовётся в народе «печкой». «Печек» таких осталось всего ничего, в моду вошли бетон, мрамор или просто деревянные кресты с вышитыми рушниками.

Ага, вот она, «печка» – это наш дедушка, Герасим Макарыч, а рядом могилка мамы моей – его дочери Марии Герасимовны. И всё это за оградой, всё это в плитках. И довольно чисто после зимы. Это мы ещё в прошлом году поработали.

– Ну, здравствуйте, – поклонились мы сначала дедушке моему, а потом маме. – Земля вам пухом, родня наша самая близкая, пришли проведать вас, низко вам поклониться.

Присели к столику, и всё поплыло перед нами, картины прошлого стали возникать и лететь перед нами то грачами чёрными, то белыми

голубьями, как в кино каком – нибудь, как у какого-нибудь художника в Музее изобразительных искусств.

Отец. – Ну, расскажите, как вы прожили это время, как перезимовали, пока нас не было... То тебе Кавказ, то Сирия, то какой-то «игил», а теперь вот «коронавирус» ко всем привязался. Стали к вам чаще туда поступать... Господи, по всему миру да ещё тысячами, пачками. Это или какая-то биологическая война, а то, может, Земля, планета наша освобождается от лишних людей, а то их уже большие миллионы... В одном только Китае и Индии народу, говорят по телевизору, около трёх миллиардов...

Отец. Потом говорила с дядей Симой наша мама, она вроде как его дочка, отец у мамы тоже Серафим Петрович, как и дядя Сима. А что ты, Игорь, скажешь?...

Сын. А я с бабушкой разговариваю – с моей дорогой, любимой, родной. Так соскучился по ней за зиму, никак не наговорюсь...

Посидели, поговорили по душам. И стали подметать, мыть плиты, ограду чистить. Как-нибудь надо будет прийти и покрасить зелёной краской, чтобы оградка была как новенькая.

Отец. А я сидел, смотрел, всё смотрел в одну точку и думал о своей маме Марии Герасимовне, этой «Марии, бедной Марии», прошедшей столько огненных и неогненных, а всё равно неподъёмных для человека вёрст. Думалось не только о ней, но и о другой Марии – о Марии

Сергеевне, о Шукшине, матери Василия Макарыча. А кто ж ещё подумает о ней, пожелает бессмертия, вспомнит, что было... Василия Макарыча давно уже нет... Вспомнил я и свою повесть, которую написал тогда ещё, в те времена, о Марии Сергеевне, о сыне её, обо всех Сростках, обо всём степном Алтае, Западной Сибири, обо всей матушке нашей Великой России. Вот она сидит перед могилкой сына-то в Москве, на Новодевичьем кладбище. И говорит, говорит сыну и никак с ним не наговорится.

«Люди добрые, сродники и суседушки. Он старался для всех. Не обидь, Человек, могилку-то. Он хотел каждый день по доброму делу, станет ворох добра на Земле. У него, соколика, крылышки примахалися, сизы пёрышки подломалися. Кланяюсь вам, люди добрые, низким материнским поклоном за все ваши письма – грамотки, за цветы – апельсины, за слова дорогие, сердечные, все они мне, как бальзам на четырнадцать тысячах трав. Спасибо вам, добрый народ».

Женщина в чёрном стояла плечом в сирень, утопила в руки лицо. Кто-то вышел из живой людской струйки, коснулся плеча:

– По ком плачешь, мать?

Струйка замедлилась, остановилась.

– По народу своему, по человечеству, – сняла руки с лица Старая Женщина.

Струйка двинулась дальше. Мимо Женщины, старой сирени с веткой алой рябины. Ветер

перебирал тетрадочный лист с серыми, крупными, как непромолотая соль, корявыми буквами. Фото косилось на соль, шевелило немymi устами.

– Я своё, люди, прожил, как смог. Прошагал, как сумел, над Крутунью. Ах да не убивайся так, не рыдай, не рыдай, не рыдай меня, мати!..

Март, 2020 г.
Орёл

Грачёву И.А.

Алёшня

*Алёшня в пойме, травяной настой.
Страна ракии в берёзовом краю.
Купался тут когда-то Лев Толстой,
И я в воде алёшиненской стою.*

*Я – русский конь в упряжке ременной.
Воз с перемётом затянуло в речку.
Какой там пряник, кнут вневременной!
Как дёрнут – оборвут, боюсь, уздечку.*

*Боюсь сорваться сердцем от любви,
В синяевских туманах заблудиться.
Пока мы живы, Бога не гневи!
Пока мы тут, что нам Босфор и Ницца!*

*По всей Алёшне от берёз светло.
По всей долине тянется туман.
Неси, Алёшня, рук моих тепло
В огромный Ледовитый океан.*

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРОЛОГА	4
ГЛАВА I	13
ГЛАВА II	26
ГЛАВА III.....	38
ГЛАВА IV.....	51
ГЛАВА V.....	63
ГЛАВА VI	77
ГЛАВА VII.....	84
ЭПИЛОГ.....	93

«Тайная вечеря»

*Собрались двенадцать апостолов.
Все святы, но кто же предатель?
Стучат кулачишками по столу,
Куда только смотрит Создатель.*

*Вдохнул убелённый Учитель:
«У совести все мы в долгу,
Змею (да не скроет обитель)
Ищите вы в вашем кругу».*

*Повисло глухое молчанье,
Косились. Кипело всё. Жгло,
Сказал Леонардо печально:
«Само назови себя, Зло!*

*Рассядьтесь, все честные, по столу.
А веру предавший уйди...»
Сидят все двенадцать апостолов,
И всё у святых впереди.*

[75-00]

**ИГОРЬ ЛЕОНАРДОВИЧ
ЗОЛОТАРЁВ**

**ЛЕОНАРД МИХАЙЛОВИЧ
ЗОЛОТАРЁВ**

МАРИЯ, БЕДНАЯ МАРИЯ

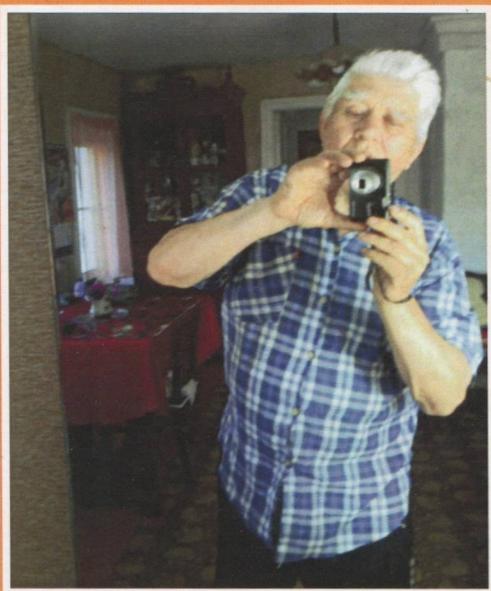
Дорогая бабушка и мама

ПОВЕСТЬ

Фото Л.М. Золотарёва.
На первой обложке
ковровая икона Казанской Божией Матери
у нас дома в Малоархангельске.
Корректурa авторов.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Новое время», ул. Итальянская, 23.
Заказ №840.

*Ты пришел ко мне,
радость моя, любовь!*

Серафим Саровский
(в миру Прохор Мошнин)

С удовольствием читаем стихи Валерия Ходулина (г. Тула). Мы вернулись к его стихотворению о встрече Льва Толстого с дочерью Пушкина Марией Гэртунг на балу в Туле. Эта встреча так потрясла Л.Н. Толстого, что из образа Марии у него родился образ Анны Карениной.

Игорь Золотарёв

О, Русская земля! О тебе наши думы и боли, для тебя и живём. Костями своими стелем тебя из веков и в века. Вон стрелой целит в самое око половчанин-кочевник. Вон несут латыняне смерть на кончиках копий, и корчатся в междоусобице княжества, хлыщут сабли кривые по серебру Дона и вот-вот взметётся, развеется и исчезнет народ, как стирались их тысячи на бессмертном лице степи, но держит его, не даёт пропасть кем-то сказанное впервые, — о, Русская земля!

Леонард Золотарёв